

Цскорка

ЛЕНИЗДАТ ★ 1959

№ 1

Январь 1959 г.

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

Юрий Яковлев

ПИОНЕРСКАЯ КЛЯТВА

*Клянёмся партии родной,
Клянёмся гвардии седой,
Отцам клянёмся смело,
Что будем твёрдыми всегда,
Что не отступим никогда
От ленинского дела.*

*Пусть нелегко идти вперёд,
Пускай ремень в походе трёт,
Мы не уроним чести,
Чтобы слова «Бери пример!»
С крылатым словом «пионер»
Всегда звучали вместе.*

Цифры-великаны нашей семилетки

(Беседа В. И. Прянишникова,
учёного секретаря Ленинградского
отделения Всесоюзного астрономо-
геодезического общества
Академии наук СССР)

ЭТО было в ноябре прошлого, 1958 года. В Москве состоялся Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии. Пленум обсудил тезисы доклада Никиты Сергеевича Хрущёва на XXI съезде Коммунистической партии «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы».

Что это за чудесные цифры? Это новые заводы, жилые дома, железные дороги, электростанции, машины, которые должны быть построены за семилетие. Это добыча нефти, угля, торфа, га-

за, выплавленные сталь и чугун... Это товары народного потребления — обувь, одежда, продовольствие. Это невиданные урожаи хлебов, громадный рост поголовья скота — будущее изобилие.

Давайте яснее представим себе эти цифры-великаны. Раскроем их и посмотрим, что скрывается за ними.

Задумывались ли вы, например, как велико число миллион? Да, один только миллион! Сколько вам потребовалось бы времени, чтобы пересчитать все числа по порядку — от единицы до миллиона при условии, что счёт будет вестись непрерывно, без отдыха и пропуска какого-либо числа?

На это пришлось бы затратить не менее одиннадцати с половиной суток. Вы удивлены? Проверим.

Вначале вы вели бы счёт быстро: однозначные и дву-

значные числа не потребовали бы много времени. Но на каждое трёх-четырёхзначное и т. д. число вам понадобилось бы значительно более секунды. А ведь миллион секунд — это одиннадцать с половиной суток!

Что означает миллион шагов? Если ваш шаг равен 65 сантиметрам, то, пройдя миллион таких шагов из Ленинграда по направлению к Москве, вы как раз достигнете столицы нашей Родины.

А что такое миллион учащихся и вообще миллион человек? Чтобы яснее представить себе столь огромное количество людей, вообразите, что они построены в колонну по 20 человек в каждом ряду.

$1.000.000 : 20 = 50.000$. Пятьдесят тысяч рядов!

Если считать промежуток между рядами равным одному метру, то миллион человек растянется по дороге на... 50 километров!

В настоящее время в Советском Союзе обучается во всех начальных и средних школах 30 миллионов человек. В 1965 г. число учащихся достигнет 40 миллионов. Колонна из такого количества учащихся заняла бы дорогу длиной 2.000 километров. Когда первые ряды такой армии учащихся достигли бы южного берега Крыма и вступили бы на территорию Артека, последние только вышли бы из Ленинграда.

Представьте мысленно: колонна из учащихся начальных и средних школ в 1965 году про-

ходит через площадь мимо трибуны. Сколько времени нужно для этого?

Скорость движения столь большой массы людей не превышает 4 километров в час. Значит, для процессии потребуются 500 часов ($2.000 \text{ км} : 4$). Почти 3 недели непрерывного движения!

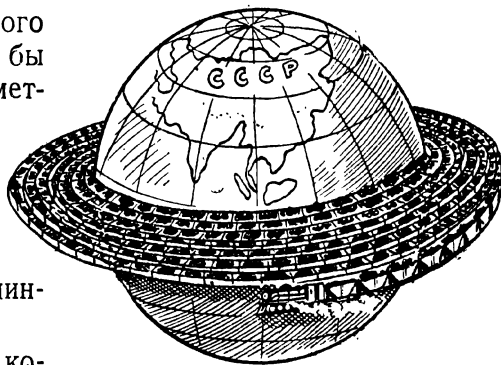
Эти примеры показывают, как велика забота о вас, ребята. Ведь для такого гигантского количества учащихся надо очень много учителей, школьных зданий и учебных пособий.

Одних тетрадей в 1965 году потребуется не меньше миллиарда.

На каждого учащегося по всем предметам в течение года нужно не менее 25 тетрадей, а для $40.000.000 - 1.000.000.000$, то есть один миллиард.

Если такое количество тетрадей положить друг на дружку, то при толщине каждой из них в 2 миллиметра эта стопка возвысилась бы до двух тысяч километров, что почти в 230 раз выше самой высокой горы.

Хочу вас предупредить ещё вот о чём. Большое слагается

К концу 1965 года добыча каменного угля в СССР возрастет до 596—609 миллионов тонн.

из малого. Если каждый ученик по своей неаккуратности в течение года испортит только одну тетрадь, то получится печальная картина.

40.000.000 тетрадей — «стопка» высотой 80.000.000 мм = 80 000 метров = 80 километров. Это почти в десять раз выше Эвереста. Есть о чём поразмыслить ребятам, не отличающимся бережливостью и аккуратностью!

А теперь разберёмся в некоторых цифрах по промышленности и сельскому хозяйству.

К концу 1965 года добыча каменного угля в СССР возрастёт до 596—609 миллионов тонн.

Предположим, что для этого «уголька» подан железнодорожный состав из обыкновенных товарных двухосных вагонов. Какой длины он должен быть? 300.000 километров!

Сравним это число с длиной экватора земного шара (40.000 км). $300.000 : 40.000 = 30 : 4 = 7,5$ раза.

Итак, длина поезда с годовой добычей угля в

В 1965 году должно быть добыто 240 миллионов тонн нефти.

нашей стране в 1965 году в семь с половиной раз больше окружности экватора земного шара.

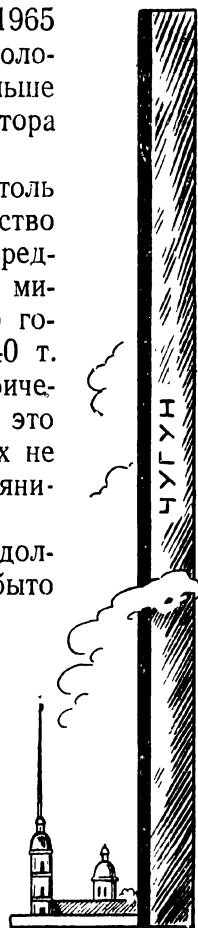
Чтобы иметь столь огромное количество угля, надо в среднем за каждую минуту всего 1965 года добывать 1.140 т.

И наши героические шахтёры это сделают. От них не отстанут и нефтяники.

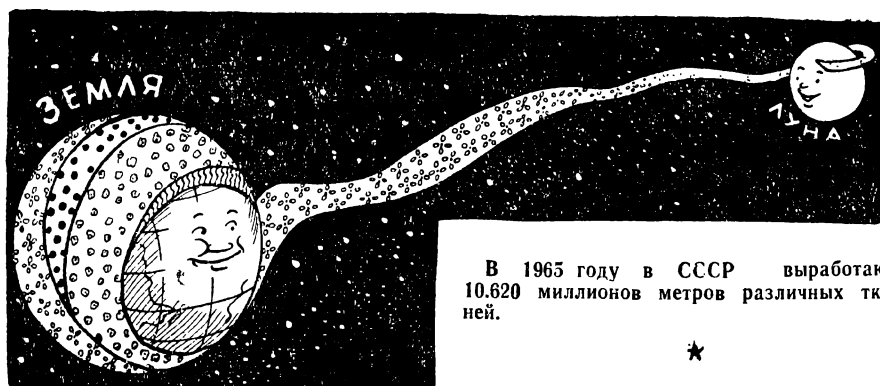
В 1965 году должно быть добыто 240. 000. 000 тонн нефти. Для этого необходимо добывать в среднем в течение каждой минуты всего 1965 года по 456 тонн.

Если этим количеством нефти наполнить реку длиной с Неву и шириной в 100 метров, то глубина её будет 37 метров.

Превратимся на несколько секунд в строителей. Построим мысленно нефтехранилище с основанием, равным одному квадратному километру. Какова должна быть его глубина, чтобы вместить годовую добычу нефти в 1965 году? Нехитрые расчёты показывают, что высота уровня нефти составит 285 метров. Это почти в три раза выше знаменитого Исаакиевского собора в Ленинграде.

В 1965 году намечается выработать до 70 миллионов тонн чугуна.

В 1965 году в СССР выработают 10.620 миллионов метров различных тканей.

А какой железнодорожный поезд, составленный из цистерн, мог бы принять такое количество нефти? Длина состава была бы почти в два раза больше окружности экватора земного шара.

В 1965 году намечается выработать до 70.000.000 тонн чугуна. Если из такого количества чугуна отлить колонну с круглым основанием площадью 78,5 квадратных метра (диаметром в 10 метров), то высота этого сооружения превысит 127 километров — в 1000 раз выше Петропавловской крепости.

Вы уже видите, что транспорта для перевозки грузов понадобится очень много. Поэтому в течение семи лет ещё больше разовьётся наш транспорт, в том числе железнодорожный.

Общая протяжённость железнодорожных путей нашей страны, переведённых на электрическую и тепловозную тягу, достигнет в 1965 году 100.000 ки-

лометров, что в 2,5 раза больше длины экватора земного шара.

Ещё лучше и краше станут одеваться советские люди. В 1965 году выработают 10.620 миллионов метров различных тканей.

Если всю эту ткань соединить в одну полосу, то её длина была бы в 28 раз больше расстояния от Земли до Луны.

В эту «одежду» можно было бы даже «нарядить» земной шар: она обвила бы нашу планету по экватору 265 раз.

Внушительны цифры и по сельскому хозяйству.

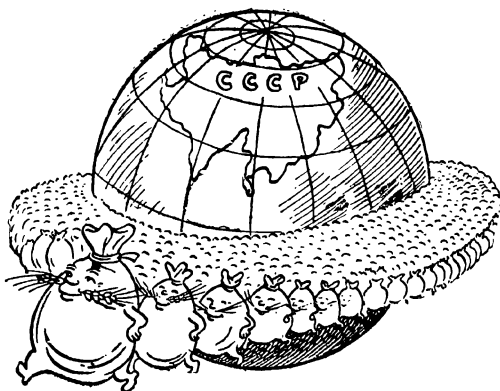
Как представить себе миллион пудов зерна? Если бы это количество зерна ссыпать в пятипудовые мешки, а их положить цепью (по одному в длину), то такая «цепочка» растянулась бы на 160 километров.

К концу семилетия намечено собирать 10—11 миллиардов пудов зерна в год. Как далеко растянулась бы цепь из мешков с этим урожаем? Она опоясала бы экватор 44 раза.

Вы убедились, какой величественный и грандиозный план разработан на ближайшие семь лет.

Контрольные цифры — это

цифры-великаны, цифры счастья, потому что, выполнив семилетку, советские люди заживут ещё более счастливо и зажиточно.

В фонд семилетки

◆ 600.000 тонн пшеницы в год перерабатывает Мельничный комбинат имени С. М. Кирова в Ленинграде. До сих пор это зерно подвозили по железной дороге. В этом году его будут доставлять более выгодным — водным путём. У причала поставят три новых башни. С помощью сжатого воздуха насосы перекачают зерно из баржи на вертикальный транспортёр центральной башни. Затем зерно взвесят, и оно поступит на элеватор. Разгрузка барж пойдёт в четыре раза быстрее разгрузки вагонов.

◆ Горьковский автозавод приступил к серийному производству автомашин «Чайка». Этот новый семиместный легковой автомобиль развивает скорость до 160 километров в час и легко преодолевает крутые подъёмы.

◆ В 1959—1965 годах в Москве, Ленинграде и Киеве будет прорыто 45 километров подземных магистралей. За семилетие трасса метрополитена столицы возрастет более чем на 30 километров. Уже начались подготовительные работы на новом, Калужском радиусе метро, который свяжет центр города с юго-западом. В течение семи лет в Москве будет построено около 20 вокзалов метро. В Ленинграде за эти годы также построят новую линию. Сейчас на трассе Технологический институт — парк Победы уже идут работы. Эта 6½-километровая магистраль войдёт в строй в 1962 году. В Киеве метро начнёт работать через два года. Первая очередь трассы пройдёт через центр города и соединит правый берег Днепра с вокзалом.

Так сложили песню

(ОЧЕРК)

В СЕМЬ тридцать начинается вечер.

— Строители коммунизма, проверьте ваши часы, — говорит Сашка Чабан и, опершись на лопату, смотрит, как лисьи хвосты дыма над заводскими трубами вдруг вздрагивают, схлёстываются и падают на землю. Сорвавшись с железных машин, упругая жаркая волна бьёт по лёгким. Трудно дышать расплавленным, смешанным с металлической и известковой пылью воздухом. Прикрыв ладонью глаза, Чабан мечтательно добавляет:

— Гаврош, а как ты насчёт в воду и подышать жабрами? Ты

помнишь, как это делается? Ложишься, значит, на спинку и еле шевелишь конечностями. Вода холодная, а волны тёплые. Вылазишь на берег, а там песок золотистый, прохладный!..

Володя Конокеенко, бывший токарь одесского завода «Октябрьская революция», а ныне «отважный патриот, выполняющий норму на 160—200 процентов», как об этом сообщила многотиражная газета, предпочитает не отвечать. Он занят работой, да и потом ему не до шуток.

Гаврошем его нарёк тот же Сашка. В марте, когда ехали в Донбасс, Володя выскочил из вагона в одной

рубашке. Ночью от холода он стучал зубами. Тогда и подсел к нему этот широкоплечий, высокий парень в матросском берете.

— Зубы нужно беречь, — сказал он авторитетно. — Угол Дерибасовской и Преображенской, четвёртый подъезд, вторая дверь направо, — блестящий дантист. Советую обратиться, когда будете возвращаться обратно, а покамест примерьте этот полушубок.

Володя сопротивлялся слабо. Тем более новый знакомый сказал, что у него есть ещё свитер. Правда, Володя так и не узнал, где этот свитер хранится, но вид тёмно-синей голландки, плотно облегающей ладную фигуру юноши, успокоил его.

Познакомились. Закурили. Чабан пылливо оглядел утонувшего в бушлате Володю и вдруг сказал:

— Минуточку! А ну-ка, повернитесь к свету! Точно. Вылитый Гаврош!

— Что? — не понял дремавший Конокеенко.

— Не что, а кто. Мой любимый литературный герой. — И, очевидно, отвечая каким-то своим мыслям, доверительно добавил: — Приятно иметь под руками живого литературного героя. Но ты не обижайся. Мне, можно сказать, сам Гаврош и путёвку комсомольскую на эту домну выписал.

— Как это? — не понял Володя.

— А просто. — Шумно вздохнув, Чабан дал понять, что дальнейшие расспросы на эту тему его не устраивают.

Где-то внизу мерно постукивали колёса. Володя попытался уснуть, да разве задремлешь, когда весь вагон гудит, как улей! Никто не спит. Народ едет разный: моряки, металлисты, служащие, а разговор один — о домнах.

Семь новых печей решило построить в этом году Советское правительство. Пять из них на Украине. Дело срочное — родине нужен металл. На конференции комсомола Конокеенко не был, но раз там решили взять шефство над домнами, сделать стройки скоростными, раз уж старшие доверили это дело моло-

дым, то и он тут, Володя Конокеенко, в сторонке стоять не должен.

Доменных печей, правда, строить ему никогда не приходилось, ну да не беда, научится!

Только бы поспеть скорее — печь-то уже строится! В феврале 1958 года над котлованом, вырытым между 4-й и 5-й доменными печами Енакиевского металлургического завода, прозвучал Гимн Советского Союза, и самосвал сбросил вниз первые кубометры бетона. Фундамент был заложен, стройка началась.

Поздно ночью прибыли в Енакиево. Володя старался не терять из виду нового знакомого. Чабану это польстило, и, когда сажались в автобус, он сказал одобрительно:

— Правильно, в твои юные восемнадцать лет нужно держаться ближе к берегу. Приставай в нашу бригаду!

И Володя накрепко пристал в комсомольско-молодёжную бригаду Георгия Вартанова.

Бригадир ему тоже понравился: рассудительный, спокойный, краснеет, как девушка, и всё на «пожалуйста» напирает. «Ты, — говорит он прогулявшему Лежанскому, — не человек, а сто рублей убытка для советской власти и, пожалуйста, можешь совсем не приходить на работу». Глаза у Жоры твёрдые, холодные, и никто бы в тот миг не поверил, что они умеют быть и нежными и грустными.

А Лежанский — артист. На гитаре душевно играет, поёт:

*Их было три: один, второй
и третий,
И шли они в кильватер
без огней.
Лишь волком выл в снастях
разгульный ветер
И ночь была из всех ночей
темней.*

Володя может без конца слушать эту старую матросскую песню. Три эсминца идут сквозь ночь навстречу врагу. Гремят оружейные залпы, и свинцовые волны Балтийского моря смыкаются над головами героев.

По правде говоря, Володе тоже хочется совершить подвиг. С тем и на

домну ехал. А тут дали лопату и ковыряй землю! А она, лопата, сами понимаете, остаётся лопатой, хотя Чабан и называет её комсомольско прогрессивным агрегатом. Комсомольским потому, в чьих руках она находится, а прогрессивным — это значит надо торопиться. Недавно на митинге обещали в честь приближающегося 40-летия ВЛКСМ и XXI съезда партии сдать стройку досрочно.

Однажды уж очень хотелось Володьке отличиться, а что получилось, — вспомнить стыдно.

Отработали они смену на площадке воздухонагревателей и собрались домой. Случилось, не пошёл Володя со всеми — надо было членские взносы в комитет комсомола занести. А навстречу начальник участка:

— Где бригада?

— Ушли.

— Эх, беда! На третьей площадке монтажники работу закончили, а котлован позарез надо расширить к утру.

Перехватило у Володьки дыхание, пробормотал он что-то — и бегом назад. «Сам возьму и сделаю. И очень просто. Пусть знают». Фантазия рисовала перед ним самые радужные картины — как он будет работать всю ночь, а потом снисходительно примет поздравления и небрежно скажет: «Ну и что, подумаешь, ничего особенного. Работёнка так себе».

Но все эти мечты были разбиты самым прозаическим образом. Ребят уже предупредили в проходной, и когда Володька вбежал на площадку, они все спокойно расчищали котлован.

Вартанов молча показал Володе, что делать. Кровь ударила Володьке в лицо и, схватив лопату, он бросился в котлован. В ту секунду он ненавидел всё: сутулую спину бригадира, насмешливую физиономию Чабана и этот пыльный, удушливый за-

вод, где сооружается железный самовар домны. Нет, никто не поймёт его душу! Вот почему у него отвратительное настроение. А тут ещё от жары губы потрескались, болят и нестерпимо хочется пить.

— Кончай ночевать, даёшь столовую! — кричит Сашка Чабан, и Володя с наслаждением расправляет затёкшую спину.

После обеда оставшиеся полчаса они все сидят на траве под навесом. Со стороны строительной площадки доносится лязг и грохот, дробно стучат пневматические молотки, на самой верхушке домны ослепительными созвездиями вспыхивают огоньки сварки.

— Монтажники газопровод к пылеуловителю за шесть дней вместо десяти установили. Мне Жора Черкис (он раньше у нас на заводе XVI партсъезда работал) рассказывал. Представляете, эту пятидесятипятиметровую громадину надо было собрать по блокам! Первых два установили нормально, а когда третий подавать стали, оказалось, что у него края поперемяты. Пришлось кувалдами выравнивать. Положеньице: труба висит над землёй, а ты в ней орудуешь! Правильные ребя-

та, — заключает Чабан и обращается к Ивану Чернеге:

— Дай домашнего пожевать.

Иван развязывает белый чистенький узелок и всем раздаёт коржики. Гаврош тоже берёт белый, приятно пахнущий хрустящий кружок.

Гаврош задумался... Пройдёт несколько дней, наступит шестнадцатое сентября, даст «Енакиевская-комсомольская» первую плавку и — прощай. Была бригада и нет бригады, была дружба и нет дружбы — одни воспоминания. А что воспоминания!.. Вот если бы хоть песню сложить, как они тут тысячи кубометров грунта и бетона переворочали. Всю жизнь бы пел её Гаврош! И на эсминце... Осенью у него срок идти в армию, и он обязательно попросится на эсинец.

— Ребята, а что, если... — Гаврош вскакивает на ноги и с жаром продолжает, — попросим песню написать!

— Милый Гаврош, у вас тепловой удар, — философски замечает Чабан.

— Да брось ты, я серьёзно. Письмо напишем в Москву.

— Может быть, Леонид Утёсов

твой родной дядя? — поддерживая шутку, почтительно осведомился долговязый Миша Якелюнос.

— А, правильно — Утёсов! — не замечая иронии, продолжает Гаврош. — Он же наш, одессит. Факт!

Чабана забавляет горячность друга.

— Как же, как же, только Утёсов получит твоё письмо, сразу за телефон и начнёт звонить Хренникову, Мурадели, Исаковского пригласит. Знаете ли, какой сюрприз — Владимир Конокеенко письмо прислал. Что? Вы не знаете Владимира Конокеенко? Да вы, наверно, газет не читаете, уважаемые коллеги! Это же геройский парень, прославленный домностроитель, — а что ты геройского сделал?

Этот вопрос бьёт Гавроша наповал. Действительно, что? На комсомольском собрании было решено из первого металла отлить чугунную доску и занести туда навечно имена лучших домностроителей. Но он даже туда не попадёт, не то что в песню! И Чабан прав, тысячу раз прав. Глупая это затея с письмом!

Перерыв окончился. Бригада в последний раз идёт на свою площадку, где белеют на большом фанерном щите слова: «Здесь работают посланцы города-героя Одессы. Работают отлично. Слава работающим рукам!»

А рядом уже звенит сталью новая домна, которую сложили лопатой, гаечным ключом, сердцем. Гудит в жаркой доменной груди пламя, проносится по извилистым трубопроводам. И кажется, что домна поёт. Хорошую песню поёт. А сложили ту песню не композиторы в Москве, а здесь, на заводе в Енакиеве, сложили её по кирпичику сами строители. И вечно звучать ей, не умолкая!

г. Енакиев. Донбасс.
Строительство доменной печи
«Енакиевская-комсомольская».
Сентябрь 1958 года.

Ленинский броневик

1.

По торцовой мостовой,
По булыжной мостовой
Едет-едет
Боевой,
Едет-едет
Броневой
Автомобиль.
Вот он, скрипнув
 тормозами,
Круто за угол свернул,
Вот он жёлтыми глазами
Настороженно сверкнул.
На его стальной коробке,
Словно пуговицы, заклёпки.
А за ним в снегу
 апрельском
Тянутся следы, как рельсы.
Броневик спешит.

2.

А на площади
 вокзальной —
Весь рабочий Петроград.
Прибывает поезд дальний.
Ленин едет, говорят.
Далека была дорога,
Нелегка была дорога...
Фонари кругом горят.
И уже гудок протяжный
Прозвучал во мгле густой.

— А какой он, Ленин?
 Важный?

— Что ты, малый, он
 простой.
На мгновенье тихо стало.
Замер ветер ледяной.
Как открыл он дверь
 вокзала,
Как вошёл он в дом родной.
Как задумался немного
У родимого порога...

3.

Бушует площадь, рокоча:
— Где Ленин?
— Вот он вышел.
— Где он?
— Не видно Ильича!
— Пусть встанет он
 повыше!
И вдруг завёлся броневик,
Как будто вспыхнул порох,
Поплыл к вокзалу
 напрямик,
Качаясь на рессорах.
От снега мокрый,
Весь в дыму,
Он замер у ступени.
На башню — на плечо
 к нему —
Тогда поднялся Ленин.

С его высокого плеча
 Всем стало видно Ильича.
 Вот Ленин на броневике,
 Снял кепку,
 Сжал её в руке,
 Пальто пошире распахнул
 И воздух Родины вдохнул.
 С народом Ленин в этот
 миг

Здоровался глазами.
 Свои колёса броневик
 Сжал крепко тормозами.
 Чтоб не мешать вождю, —
 Молчит,
 Стоит — не шелохнётся.
 А голос Ленина звучит,
 Над башней раздаётся:
 — Да здравствует
 социалистическая
 революция!

4.

К вождю родному своему
 Народ тесней приник.
 Но ближе всех сейчас
 к нему

Зелёный броневик.
 Царя прогнали.
 Близок час —
 Всех бар прогоним смело.
 Пусть только Ленин даст
 приказ,
 За ним не станет дело:
 Хоть не велик броневичок,
 Но он в бою не новичок.

5.

Над холодной Невой,
 Над октябрьской Невой
 Смольный — грозный штаб
 восстанья —
 Охраняет часовой.
 Необычный часовой —
 В гимнастёрке броневой.
 Словно пуговки, заклёпки
 На его стальной коробке.
 Часовой стоит, не дремлет

Два часа и три часа.
 И вросли, казалось,
 в землю
 Все четыре колеса.
 Близок час.
 Друзья, не спите!

Враг заклятый не ослаб.
И не спит рабочий Питер,
И не спит восстанья штаб,
И не спят подразделения,
И не спит товарищ Ленин.

6.

Ленин бодрствует
в Смольном,
Весь в работе клокоча.
Никогда таким довольным
Не видали Ильича.
На солдатской узкой койке
На рассвете прикорнёт.
И опять, тревожный,
стойкий,
В кабинет бочком войдёт.
И опять его вопросы
Атакуют телефон:
— Как настроены матросы?
— Где рабочий батальон?
— Кто на проводе?
«Аврора»?

Ленин слушает.
И вдруг
Говорит с улыбкой:
— Скоро,
Потерпи немного, друг!

7.

А под окнами у штаба,
В полумраке виден слабо,
Замер грозный часовой
В гимнастёрке броневой.
Не спешит он по дорогам,

Гулкой сталью грохоча.
Он стоит в молчанье
строгом,
Охраняет Ильича.

8.

Тьма. Спешат отряды
к дому.
Не смыкают люди глаз.
Броневому
Часовому
Наконец пришёл приказ:
«Полный ход!
Вперёд!
На Зимний!
На буржуев смело в бой!»
Заревел мотор
И дымный
След оставил за собой.

9.

А на площади Дворцовой,
На Дворцовой,
На торцово́й
Баррикады встали в ряд.
Во дворце огни горят.
Во дворце — враги народа.
Юнкера стоят у входа:
Охраняют зорко власть,
Власть, которой нынче
пасть.
Эту власть в бою свергая,
Нынче власть придёт
другая —
Власть крестьян,

Рабочих власть,
Чтоб жилось народу
вслась.

— Скоро в бой?
— Теперь уж скоро! —
Говорит боец бойцу.
И ударила «Аврора»
По проклятому дворцу.
Стёкла звякнули.
Раскаты
Дом качнули.
Свет погас.
В бой, матросы!
В бой, солдаты!
В бой, дружины!
Пробил час —
Прибыл ленинский приказ.

10.

И вот знакомый броневик
Рванулся из-под арки.
И засвистели в тот же миг
Свинцовые подарки.
Он к баррикадам юнкеров
Спешит, качаясь, жив-
здоров.
Стреляет броневик в упор,
Стальную строчку пишет.
Вдруг вздрогнул он.
Заглох мотор.
Молчит мотор.
Не дышит.
Как!
Ранен наш броневичок?
Ведь он в бою не новичок,
Не царский и не барский —

Родной наш,
Пролетарский.
Стоит один он вперёди,
Облеплен юнкерами.
Мотор молчит в стальной
груди,
Он, видно, сильно ранен?
Вдруг пулемёт загрохотал,
Дымя, как самосад.
И броневик тихонько стал
Осаживать назад.
Смотрите —
Он берёт разгон,
Таранит баррикаду он.
Сверкают жёлтые глаза.
Не держат больше тормоза.
Он путь матросам
проложил,
Он верно службу
сослужил.
Дворец, как крепость,
должен пасть.
Все устремились к входу.
Буржуям — смерть,
Народу — власть,
Мир,
землю,
хлеб,
свободу!

11.

Над октябрьскою Невой,
Над свободною Невой
Смольный — штаб
советской власти —
Охраняет часовой.

Необычный часовой,
В гимнастёрке броневой.
Словно пуговики, заклёпки
На его стальной коробке.
Он устал в бою.
Он ранен.
Закоптел его металл.
Он сражался с юнкерами
И в бою героем стал.
А с утра товарищ Ленин
Подошёл к броневнику
И заметил с сожаленьем
Рану слева на боку.
Он рукою осторожно
Тронул раненый бочок:
— Надо будет неотложно
Подлечить броневичок.
Пусть здоровым он
 вернётся
Поскорее в строй опять,
Ведь ему ещё придётся
Власть Советов защищать.

12.

У ПИСАТЕЛЯ Н. Носова есть чудесные слова о литературном мастерстве. Настоящие прозаики, — говорит он, — «...пишут просто из жизни, используя свои наблюдения и жизненный опыт, не подражая никаким литературным образцам». Они пишут «...о том, о чём другие не пишут, если же они берутся писать о вещах известных, то пишут так, как никто не писал раньше».

В этом смысле сам Николай Николаевич Носов настоящий писатель. Мы говорим «носовские рассказы», и перед нами встают живые, весёлые и смешные ребячьи истории.

— Вот придумано! — говорят читатели. И не подозревают, что свои рассказы Носов не выдумывал. Он брал их «просто из жизни» и писал их «так, как никто не писал раньше».

Первый рассказ Носова был напечатан в 1938 году в журнале «Мурзилка». Рассказ

назывался «Затейники» и, как бы самым названием сообщал читателям, что появился писатель, который в будущем напишет немало затейливых повестей и рассказов о ребятах-затейниках: о Вите Малееве, Косте Шишкине, Коле Синицыне, Мише Козлове и о весёлых сказочных героях Незнайке и его друзьях.

Недавно писателю Н. Н. Носову исполнилось 50 лет. Редакция и читатели «Искорки» от всего сердца поздравляют Николая Николаевича со славным юбилеем.

На снимке: лауреат Сталинской премии Н. Н. Носов среди своих читателей.

Н. Носов

Рисунки М. Беломлинского

ЗАМАЗКА

(ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ)

ОДНАЖДЫ стекольщик замазывал на зиму рамы, а Вовка и Костя стояли рядом и смотрели. Когда стекольщик ушёл, они отковыряли от окон всю замазку и стали лепить из неё зверей. Только звери у них не получились. Тогда Костя слепил змею и говорит Вовке:

— Посмотри, что у меня получилось.

Вовка посмотрел и говорит:

— Ливерная колбаса.

Костя обиделся и спрятал замазку в карман. Потом они пошли в кино. Вовка всё беспокоился и спрашивал:

— Где замазка?

А Костя отвечал:

— Вот она, в кармане. Не съем я её!

В кино они взяли билеты и купили два мятных пряника. Вдруг зазвонил звонок. Костя бросился занимать места, а Вовка где-то застрял. Вот Костя занял два места. На одно сел сам, а на другое положил замазку. Вдруг пришёл незнакомый гражданин и сел на замазку.

Костя говорит:

— Это место занято, здесь Вовка сидит.

— Какой такой Вовка? Здесь я сижу, — сказал гражданин.

Тут прибежал Вовка и сел рядом, с другой стороны.

— Где замазка? — спрашивает.

— Тише! — прошептал Костя и покосился на гражданина.

— Кто это? — спрашивает Вовка.

— Не знаю.

— Чего ж ты его боишься?

— Он на замазке сидит.

— Зачем же ты отдал ему?

— Я не давал, а он сел.

— Так заberi!

Тут погас свет, и началось кино.

— Дяденька, — сказал Костя, — отдайте замазку.

— Какую замазку?

— Которую мы из окна выковыряли.

— Из окна выковыряли?

— Ну да. Отдайте, дядя!

— Да я ведь не брал у вас.

— Мы знаем, что не брали.

Вы сидите на ней.

— Сижу?!

— Ну да.

Гражданин подскочил на стуле.

— Чего ж ты раньше молчал, негодный?

— Так я говорил, что место занято.

— Когда же ты говорил? Когда я сел уже!

— Откуда же я знал, что вы сядете?

Гражданин встал и принялся шарить на стуле.

— Ну, где же ваша замазка, злодей?

— Пойдите, вот она! — закричал Костя.

— Где?

— Вот, по стулу размазалась. Мы сейчас считим.

— Счищайте скорее, негодные!

— Садитесь! — кричали на них сзади.

— Не могу, — оправдывался гражданин. — У меня тут замазка.

Наконец ребята соскоблили замазку.

— Ну, теперь хорошо, — сказали они. — Садитесь.

Гражданин сел. Стало тихо. Костя уже хотел смотреть кино, но тут послышался Вовкин шёпот:

— Ты уже съел свой пряник?

— Нет ещё. А ты?

— Я тоже нет. Давай есть.

— Давай.

Послышалось чавканье. Костя вдруг плюнул и прохрипел:

— Послушай, у тебя пряник вкусный?

— Угу.

— А у меня невкусный. Мягкий какой-то! Наверно, растаял в кармане.

— А замазка где?

— Замазка вот, в кармане... Только постой! Это не замазка, а пряник. Тьфу! Это я в темноте спутал замазку и пряник! Тьфу! То-то я гляжу, что невкусно!

Костя со злости швырнул замазку на пол.

— Зачем же ты бросил? — спросил Вовка.

— А на что она мне?

— Тебе не нужна, а мне нужна, — проворчал Вовка и полез под стул искать замазку.

— Где же она? — сердился он. — Вот ищи теперь!

— Сейчас я найду, — сказал Костя и тоже исчез под стулом.

— Ай! — послышалось вдруг. — Дядя, пустите!

— Кто это там?

— Это я.

— Кто я?

— Я, Вовка. Пустите меня!

— Да я ведь не держу тебя.

— Вы мне на руку наступили!

— Чего ж ты полез под стул?

— Я замазку ищу.

Костя пролез под стулом и встретился с Вовкой нос к носу.

— Кто это? — испугался он.

— Это я, Вовка.

— А это я, Костя.

— Нашёл?

— Ничего не нашёл.

— И я не нашёл.

— Давай лучше кино смотреть, а то все ругаются, в лицо ногами тыкают.

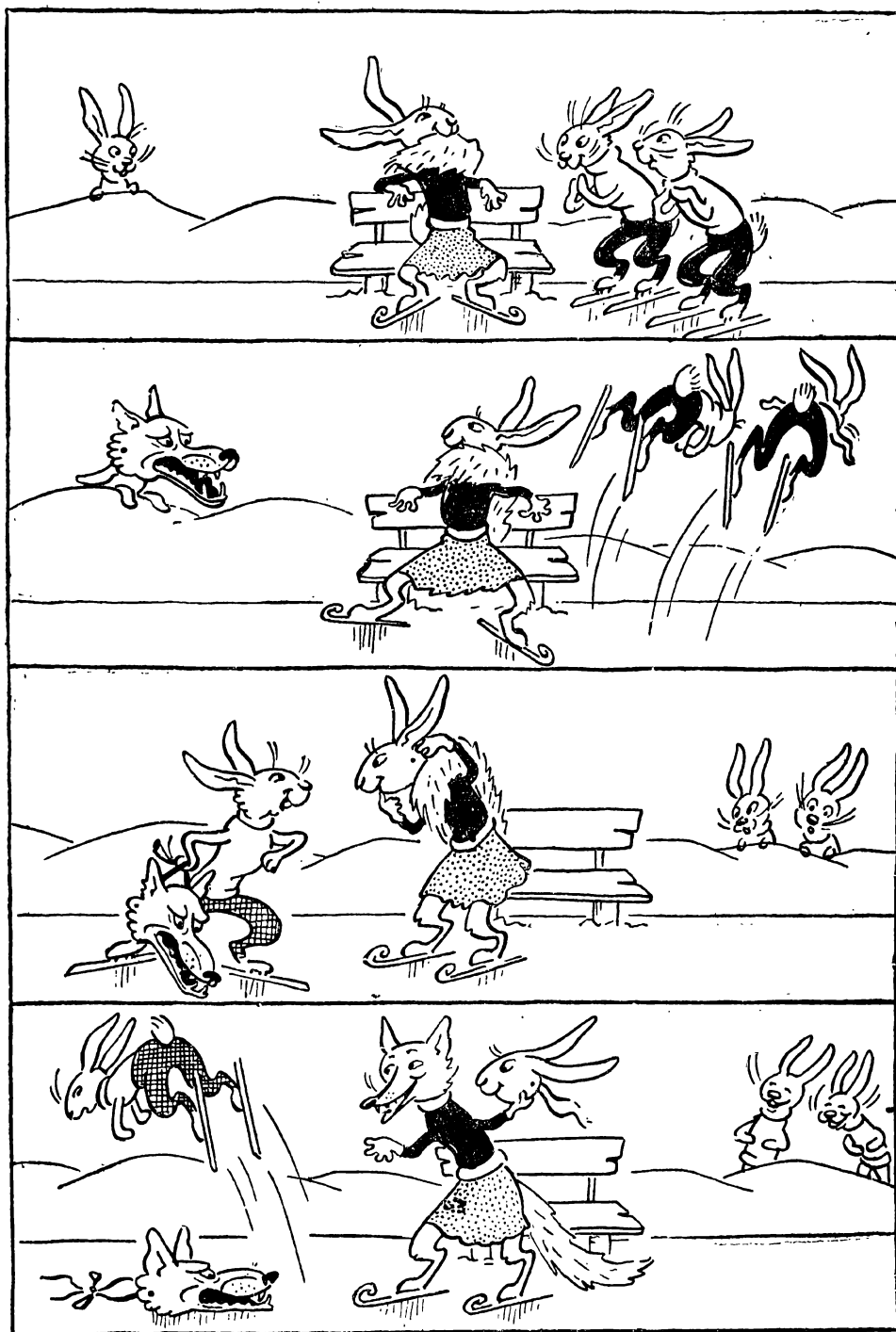
Вовка и Костя пролезли под стульями и уселись на свои места. Перед ними на экране мелькнула надпись: «Конец». В зале стало светло. Публика бросилась к выходу. Ребята вышли на улицу.

— Что это за кино мы смотрели? — говорит Костя. — Я что-то ничего не разобрал.

— А я, думаешь, разобрал? — ответил Вовка. — Какая-то чепуха на постном масле! Показывают же такие картины!

Случай на маскараде

(Рассказ в рисунках К. Бекташева)

„Снежный ком“

Шутка в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Коля	}	ребята-школьники
Петя		
Вася		

Комната. Налево — дверь в соседнюю комнату, направо — дверь в переднюю. Стол, заваленный тетрадями и книгами. Справа — на тумбочке — телефон. Коля сидит за столом.

КОЛЯ. Вот так история! Как быть? Что придумать? (Смотрит на часы.) Уже двенадцать. Осталось всего только шесть часов. В «восемнадцать ноль-ноль», как говорит Вася, — мой доклад! (Хватается за голову.) Мой доклад! (Срывается с места и бегает по комнате). Ну, зачем я согласился? (Звонок телефона.) Это он! Петя! Спросит сейчас: — Ну, как? Готовишься? Всё продумал? (Звонок телефона.) Да, да, жди, жди! Так я и подойду! (Звонок телефона. Коля подходит к телефону, снимает трубку и опять её вешает). И назначили-то всего неделю тому назад! (Вздыхает.) Конечно, за неделю можно было подготовиться, если бы я не ленился! Да что там неделя! Если бы вчера я посидел как следует, и то мог бы что-нибудь придумать! Всё папа виноват! Спрашивает вчера вечером: — У тебя все уроки приготовлены? — Все, — говорю. — Молодец! Завтра у нас к тому же выход-

ной. Идёмте-ка все вместе в кино!.. Что же, я должен был отказаться, что ли? И вот достучался! (Звонок телефона.) А, чтоб тебя!.. Теперь уж он покоя не даст. (Подходит к телефону, снимает трубку и говорит старческим голосом): Алло? Что? Говорите громче — я плохо слышу. Колю? Его нет дома! (Вешает трубку.) Ну, вот. Может быть, теперь отвяжется. (Садится за стол, берёт бумажку, читает): «Как я провёл лето в Артеке»... Ох, весь наш класс на мой доклад придёт, из параллельного тоже собирались... Как я провёл лето?.. Интересно провёл, хорошо, весело! Да ведь этого мало! В прошлом месяце Витя Малахов рассказывал, как он по Волге ездил, так больше часа говорил. А потом доклад его отпечатали и, пожалуйста, — кто не был — бери, читай... а я... (Звонок телефона.) Опять звонит! Кто бы это мог быть? (Берёт трубку и говорит старческим голосом): Алло? Коли нет дома! Что? Кто говорит? (Задумывается, потом отвечает): Колин дядя! Что? Как меня зовут? Николай Васильевич! Кто я такой? Я же сказал — дядя! По профессии? Лёт-

чик! Что? Старый? Я лётчик в отставке! Что-что? Откуда приехал? А кто это со мной говорит? Петя? А кто это — Петя? Колин товарищ? Здравствуйте, Петя. Откуда я приехал? *(В сторону.)* Вот привязался! *(В трубку.)* Я приехал из Антарктики. Больше нет вопросов? Да, да. Из посёлка Мирный, — устраивает вас? Будьте здоровы! До свиданья! *(Вешает трубку.)* Фу, надоел... Ну, с лётчиком в отставке это я неплохо придумал, а вот что с докладом делать? В Артеке я записывал кое-что, да ведь это всё на бумажках отдельных... *(Берёт со стола кипу бумажек разного формата.)* Поди, разберись во всём этом! В неделю я бы справился, а теперь разве успеешь! Да ещё, как на грех, придёт кто-нибудь. *(Звонок в дверь.)* Ну вот, напророчил!.. *(Уходит в переднюю, оттуда слышны голоса.)* «Кто там? — Открой, Коля, это я! — Чего тебе, Петя?»

(Коля и Петя входят в комнату).

ПЕТА. Ну, как ты? Готов?

КОЛЯ *(грустно)*. Готов. Совсем готов...

ПЕТА. Молодец. Ты, смотри, не опаздывай. У нас сегодня торжественно всё будет. Васька плакат вот такой написал! *(Показывает величину плаката.)* «Экстренное заседание

Клуба юных путешественников. Доклад Коли Птицына: «Как я провёл лето в Артеке». Интересно, весело, занимательно!»... У меня даже сестрёнка старшая пойти собирается, Как ты думаешь, можно?

КОЛЯ *(со вздохом)*. Можно!

ПЕТА. А ты чего грустный?

КОЛЯ. Нездоровится мне... А ты что, так просто зашёл или дело какое?

ПЕТА. Чуть не забыл! Дело у меня. Поговорить надо.

КОЛЯ. Говори!

ПЕТА. Да не с тобой. С Николаем Васильевичем.

КОЛЯ. С каким Николаем Васильевичем?

ПЕТА. С дядей твоим. Лётчиком.

КОЛЯ. Ах, с этим!

ПЕТА. Ну да. Позови его!

КОЛЯ. Нельзя. Спит он.

ПЕТА. Спит?

КОЛЯ. Устал очень... Болен... Вот и спит целыми днями.

ПЕТА. Он что, в отставке?

КОЛЯ. Да.

ПЕТА. Он как тебе дядя? Папин брат?

КОЛЯ. Мамин.

ПЕТА. А в Антарктике чего делал?

КОЛЯ. Сначала летал, потом, значит, дрейфовал, а потом этим... метеорологом работал.

ПЕТА. Надолго приехал?

КОЛЯ. Дня на два.

ПЕТЯ. Повидать его нельзя?

КОЛЯ. Я же сказал — спит он. Зачем тебе?

ПЕТЯ. Я тут звонил, — тебя дома не было, — разговорился с ним. Симпатичный такой, видно.

КОЛЯ. Ишь ты как, по телефону разглядел!

ПЕТЯ. Я, брат, хорошего человека сразу определить могу. Да не в этом дело. А вот нельзя ли попросить его рассказать нам об Антарктике?

КОЛЯ. Ещё не легче! Человек только приехал, устал, а тут доклады читай!

ПЕТЯ. А что? Мы за ним машину пришлём. Чай организуем. Обратно отвезём.

КОЛЯ (решительно). Не согласится он!

ПЕТЯ. Ты подумай, красиво как получается: сначала твой доклад, а потом его!

КОЛЯ. Как? Сегодня?

ПЕТЯ. Ну да. Вместе, значит. Сперва племянник, а потом дядя!

КОЛЯ. Ты с ума сошёл! Спит он!

ПЕТЯ. Отоспится до шести часов. Поговори с ним, а то, хочешь, я посижу, подожду, когда он проснётся!

КОЛЯ. Нет, нет... Иди, иди! Я сам всё устрою!

ПЕТЯ. Так я на тебя надеюсь! (Уходит).

КОЛЯ. Вот не было печали! Со своим докладом не знаешь, как справиться, а тут ещё дядин доклад готов!.. (Звонок телефона.) Алло? Кого? Николая Васильича? Это кто просит? Вася? А ты откуда про него знаешь? Петька сказал?! Ну и баболокка этот Петька! Зачем тебе мой дядя понадобился? Что? Как в афише писать? С ума вы сошли! Он и не думал соглашаться. Не смей писать. Уезжает он. Когда? Сейчас! Вещи укладывает. Чего? Поговорить? Не успеешь! Нет, нет, не приходи! Чёрт возьми, повесил трубку! Как же мне теперь с дядей-то развязаться? Ведь пристанут оба, рассказывая им — кто, да откуда, да зачем приехал, да почему уехал... (Звонок в дверь.) Опять кто-то пришёл! (Ухо-

дит и возвращается с Васей.) Ну, чего тебе?

ВАСЯ. Уфф!.. Торопился я... Снизу из автомата тебе звонил. Да всё боялся, что дядю твоего не застану. Позови-ка его!

КОЛЯ. Плохо ему стало. Лежит.

ВАСЯ. Да ведь он уехать собирался?

КОЛЯ. Ну и что? Поднял чемодан и, наверное, надорвался.

ВАСЯ. Так надо ему помощь оказать. Валерianка у тебя есть?

КОЛЯ. Я уже дал ему лекарство.

ВАСЯ. А что ты ему дал?

КОЛЯ. Да тут какие-то капли были. (Показывает пузырёк.) Вот иноземцевы капли, мама их часто принимает.

ВАСЯ. Чудак-человек! Да ведь это желудочные капли!

КОЛЯ. Не знаю. Ему легче стало. (Звонок.) Опять кто-то пришёл! (Уходит и возвращается с Петей).

ПЕТЯ. Вася, привет! Ну, как? Уговорили Николая Васильевича?

ВАСЯ. Плохо ему. Заболел.

ПЕТЯ. Так пойдёмте к нему. По-можем!

КОЛЯ. Погодите, ребята. Я сам пойду. Он стеснительный такой... Увидит посторонних — расстроится, разволнуется. Вы побудьте здесь... Я

сейчас... (Уходит в соседнюю комнату).

ПЕТЯ (подходит к столу, берёт бумажку, читает): «В Артек я приехал в начале августа. Стояла жаркая погода...» И всё?! Н-да!.. Не очень много написал.

ВАСЯ. Погоди! Послушаем, как себя чувствует Колин дядя.

КОЛЯ (из соседней комнаты). Ну, как твоё сердце? Плохо тебе? Успокойся, дяденька. Дай я тебя на другой бок переверну.

ВАСЯ (кричит). Коля, мы с Петей поможем!

КОЛЯ (испуганно). Нет, нет, не надо! (Старческим голосом.) Не надо, я сам. Иди, Коленька, тебя товарищи ждут... Ох, ох!.. Видно, конец мне пришёл! (Выходит из комнаты, плачет.) Какой там доклад! Еле дышит!

ПЕТЯ (решительно). Рохла ты! Я знаю, что делать. (Идёт к телефону, набирает номер.) 03? Скорая помощь? Срочно машину. Что с больным? Сердечный припадок. Ага! Инфаркт. Сколько лет? Коля, сколько ему лет?

КОЛЯ. Что ты наделал? Кто тебя просил!

ПЕТЯ. Говори скорее — сколько лет?

КОЛЯ. Повесь трубку. (Хочет отнять трубку).

ПЕТЯ (не отдавая трубку, в телефон). Пенсионер. Лет под 60! Перекупной, 12, квартира 102. Фамилия — Птицын. (Вешает трубку.) Вася, иди вниз — встречай машину № 418. Через 3 минуты будет. (Прислушивается.) Стонет как-будто Николай Васильевич?! (Коля убегает в соседнюю комнату).

ПЕТЯ (шепчет Васе что-то на ухо). Ясно?

ВАСЯ. Ясно! (Убегает).

КОЛЯ (из соседней комнаты). Что? Легче тебе? Ну, вот и хорошо. Что? (Старческим голосом.) Пусть меня никто не беспокоит. Не надо никаких врачей. Мне лучше. (Своим голосом.) Хорошо, дядюшка. (Выходит.) Звони в скорую помощь — не надо машины. Дяде легче.

ПЕТЯ (звонит). 03? Алло? Это звонят с Перекупного, 12. Не надо

машины. Больному лучше. Что? Уже выехала? Спасибо!

КОЛЯ. Спасибо, удружил!

(Стук в дверь. Сиплый, окаяющий голос: «Откройте, пожалуйста. Скорая помощь».).

ПЕТЯ. Ну, вот за дядей и приехали!

КОЛЯ (в ужасе). За каким дядей? Нет у меня никакого дяди!

ПЕТЯ. А лётчик из Антарктики?

КОЛЯ (чуть не плача). Никакого лётчика нет. Я всё выдумал.

(Стук в дверь. Голос: «Откройте. Нам некогда. Мы — скорая помощь!»)

КОЛЯ. Что делать? Я погиб!

ПЕТЯ. Ну, открыть-то всё-таки надо!

КОЛЯ. Откроешь, а потом оштрафуют за ложный вызов!

(Стук в дверь. Голос: «Откройте или за дворником пошлём!»)

ПЕТЯ. Я пойду, впущу их! (Уходит).

КОЛЯ. Теперь меня уже ничто не спасёт!

ПЕТЯ и ВАСЯ (входят. Говорят оба на «о»). Где больной? Из скорой помощи нас послали!..

КОЛЯ. Васька, так это ты меня разыгрывал?

ВАСЯ. Ага! И Петя тоже. Мы сразу догадались, что ты нас обманываешь!

ПЕТЯ. А на самом деле к докладу не готов?

ВАСЯ. Ни ты, ни твой дядя? (Смеются).

КОЛЯ. Ребята, да ведь это как снежный ком!.. Растёт и растёт!.. Сна-

чала соврал, не подумав, а потом и пошло и пошло... Сперва — просто дядя, потом — лётчик, потом — из посёлка Мирный...

ВАСЯ. Потом — инфаркт...

ПЕТЯ. Потом — скорая помощь...

КОЛЯ. Если бы не вы, наверное, я своего дядюшку на тот свет бы отправил!!!

(Все смеются).

ЗАНАВЕС.

Советы режиссёра

ТЕХНИЧЕСКАЯ сторона постановки пьески «Снежный ком» не представляет больших трудностей. Обстановка комнаты примерно такая: слева от зрителя, на переднем плане, письменный стол, на нём чернильный прибор, книги, тетради и целый ряд в беспорядке разбросанных бумажек. Стол надо поставить так, чтобы сидящий за ним Коля был почти всё время лицом к зрителю. В центре, в глубине, кушетка, правее — книжный шкаф, по бокам его две тумбочки: на одной — слева — цветы в вазе, на другой — справа — телефон.

Слева от зрителя, в кулисе, находится предполагаемая комната, где лежит «выдуманный дядя», в правой кулисе входная дверь — оттуда выходят и туда уходят ребята. В конце пьески, когда Вася приходит «санитаром скорой помощи», он может быть в белом халате. Петя выпускает его первым. Коля в ужасе закрывает лицо руками. Тогда Вася и строящий за ним Петя смеются, и Коля их узнаёт.

Исполнителям надо очень точно договориться о теле-

фонных звонках, выписав на отдельной бумажке концы фраз, после которых раздаётся телефонный звонок. Звонить за сценой может Вася, ведь все звонки кончатся с его выходом на сцену. Звонок входной двери можно заменить стуком, если нет колокольчика, отличающегося по звуку от телефонного звонка.

Но самое трудное — это естественная и убедительная игра исполнителей. Здесь главная тяжесть падает на того, кто будет играть роль Коли. Подумайте сами, положение у него безвыходное. Всегда он считался в классе активистом. И вдруг — такой конфуз! Как быть? Что делать? Читать сегодня доклад — это идти на верную гибель! А сознаться во всём, повиниться — самолюбие не позволяет!

Поверить во все эти обстоятельства, вообразить, а что, если бы со мною такое случилось, — вот задача исполнителя. А дальше ещё труднее — надо сыграть роль старичка-дяди, тут же придуманного, а потом мучиться и терзаться, не зная, как избавиться от своей же выдумки. У телефона, держа

трубку в руках, надо научиться говорить с воображаемым собеседником, слушать и отвечать так, чтобы зритель поверил.

Петя — мальчик активный, деловой, сообразительный. Это он разгадал Колину хитрость и решил его проучить. Петя действует быстро, стремительно, не давая Коле опомниться. Кинув взгляд на листок, лежащий на столе, Петя сразу понимает причину, побудившую Колю к обману. Оставшись наедине с Васей, Петя шепчет ему: — «Притворись санитаром скорой помощи!»

Вася точно выполняет задуманный план. Он должен очень естественно показать, будто бы поверил Коле и горит желанием познакомиться с мнимым дядей. Чем больше каждый из исполнителей будет увлечён своей задачей (Коля — тонко и хитро обмануть товарищей, а Петя и Вася — до конца разоблачить и проучить обманщика), тем правдивее будет разыграна пьеска и тем лучшее впечатление она произведёт на зрителя.

М. ШИФМАН,
заслуженный артист РСФСР

Конкуренция

(РАССКАЗ)

ВЧЕРА у меня гости были — пионерский патруль.

Я как раз книжку на диване читал, а дедушка мне в альбом марки клеил.

Поговорили, поговорили и ушли.

А сегодня вызывают меня на совет дружины.

— Расскажи, Торопков, — спрашивают, — как ты дома помогаешь старшим?

Я думал они про отметки, а тут — вот что! Стою, соображаю...

— Пол подметаешь? — спрашивают.

— Нет, — говорю, — это Людкина обязанность.

— В булочную ходишь?

— Не-ет... Дедушка ходит.

Смотрят они на меня грозно так. А что я им скажу? Ведь, честное слово, я в прошлом году и в булочную ходил, и в гастроном, за газетами в киоск бегал, даже электрические пробки покупал. А в этом всё наоборот пошло, ничего у меня не получается!

В сентябре мой дедушка на пенсию вышел. Раньше он бывало придёт с работы, пообедает, с Игорем поиграет, посмотрит телевизор и спать. Теперь у него весь режим дня переменялся. Только одна старая привычка осталась: раньше всех вставать. Поднимется ни свет ни заря и ходит из комнаты в комнату, ищет, чего бы по-

работать. Сначала он все двери починил — ни одна больше не скрипит; потом дырки залудил в кастрюлях; окна на зиму замазал. Столько дел поперedelал! И всё, вроде, скучный какой-то. Однажды вертит он на кухне мясорубку и ворчит.

— Не могу я, — говорит бабушке, — без дела сидеть. Непривычно мне.

Бабушка, та, конечно, своё:

— Хватит, — говорит, — поработал на своём веку. Теперь отдохни.

— Что же мне, — спрашивает, — лежать, пружины давить да глазами в потолке дырки сверлить?

Бросил он мясорубку, вышел в прихожую и на меня накинулся:

— Ты ещё куда сумку берёшь?!

А я как раз в булочную собирался.

— За хлебом, — отвечаю.

Дедушка сумку у меня отобрал, кепку надел.

— Нечего тебе, — говорит, — по булочным бегать. Сидел бы лучше, уроки учил!

Я даже растерялся.

— Как же так? — спрашиваю. — Это же моя обязанность.

— Была твоя! — отвечает. — Побыва и хватит. Теперь моя будет. Понятно?

Я молчу. А дедушка видит, что непонятно, и снова ко мне: — Кто в семье старший?!

Ясное дело — он старший. Со старшими спорить нельзя. Но вече-

ром я всё же на дедушку папе пожаловался, рассказал ему всё, как было. Папа улыбается:

— Конкуренция! — говорит.

Я молчу. Папа, наверное, прав. Если бы я знал, что такое «конкуренция», то, конечно, согласился бы с ним. На всякий случай спросил.

— Конкуренция? — опять улыбнулся папа. — Это, Костя, как бы тебе понятнее... В общем, это когда два человека хотят одно и то же дело делать. Но двоим нельзя — дело только на одного рассчитано. На скрипке вот нельзя же играть двоим сразу! Ну тогда эти двое и спорят: кому же из них это дело достанется, конкурируют, значит.

Тут я вспомнил, как дедушка не давал маме окна замазывать, как он отобрал у Люды полотенце и сам мыл посуду, и сказал папе, что дедушка вообще очень любит эту конкуренцию.

Папа перестал улыбаться, задумался.

— Чудак ты, Костя! — говорит. — У дедушки руки рабочие, к станку привыкли, вот и скучно им без дела-то. Надо бы тебе, сынок, над дедушкой шефство взять. Сколько он хорошего для нас сделал! Теперь — наша очередь.

Я, конечно, согласился с папой и спрашиваю:

— А как мне над ним шефствовать? Что делать нужно?

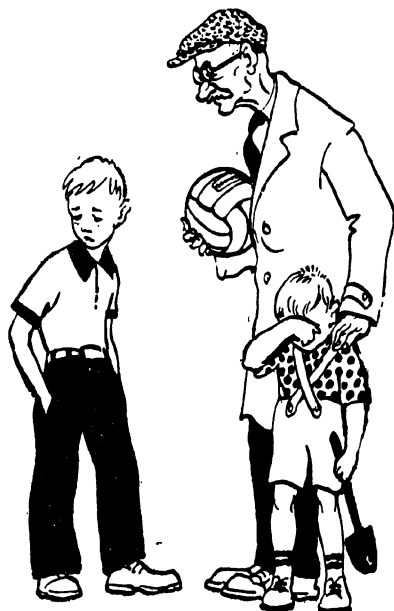
— Нужно, — говорит папа, — сделать так, чтобы дедушка не скучал, чтобы всегда у него было какое-то дело, пусть хоть маленькое.

Целый вечер я думал. Потом утром ещё. Из школы вернулся — смотрю, дедушка сидит и пальцами по столу постукивает, сердится, значит. Я опять сел думать. Потом и говорю ему:

— Дедушка! Поехали на автобусе за город!

— Эва! — отвечает. — Чего это нам туда ехать! Грибы собирать, что ли?..

— Нет, не грибы, — говорю. — Мы в школе календарь природы делаем, мне поручили в парке разных листьев набрать, а в лесу-то листьев больше!

Дедушка смотрит на меня, пальцами стучать перестал, думает. Вижу, чего-то он сомневается.

— Я бы и сам поехал, — говорю опять, — да мама не пустит. А с тобой пустит. Для дела ведь надо!

Дедушка снял очки, положил их в футляр.

— Для дела, значит? — спрашивает. — Тогда поехали.

Вернулись мы только к вечеру. Дедушка такой довольный был! Помогал мне листья разбирать, а за ужином всё вспоминал, как он ещё с его дедушкой один раз на охоту ходил.

Потом я дедушку в нашу футбольную команду записал. Точно! Ведь мы же без судьи играем, спорим всегда, а теперь дедушка сидит на скамейке и свистит в свисток, когда нужно. И такой он строгий! Один раз и игры-то не было, просто Сенька Пёрышкин один с мячиком по двору бегал и нечаянно какого-то малыша сшиб. Дедушка у него мячик отобрал и говорит:

— Лишаю тебя права три дня на поле выходить.

И лишил. Что вы думаете?! Три дня Сенька «болельщиком» сидел. Мы ещё из-за этого соседнему двору проиграли, а потом все Сеньку же и

ругали за недисциплинированность во внефутбольное время.

По воскресеньям мы с дедушкой стали на детские сеансы в кино ходить. В музее были. В общем, мы с ним подружились по-настоящему. Недавно он даже мне альбом для марок купил. Толстенный такой альбомище! Я сразу же сел и давай марки из тетрадок в альбом переклеивать. Марок-то у меня много. Всех-всех стран!

Дедушка тоже рядом сидит, в усы улыбается, поверх очков смотрит.

— Ты как же это их так ловко прищипандориваешь? — спрашивает.

Я объяснил. Надо, мол, сначала наклейку взять, согнуть её пополам. Потом одну половинку послунить и к марке приклеить. Потом другую половинку послунить и в альбом — хлоп! — пальцем прижал и готово. Показываю я всё это дедушке и думаю: а что, если доверить ему мой альбом? Дедушке дела тогда недели на две хватит. Конечно, самому-то интереснее свои марки клеить, но ведь и над дедушкой шефствовать нужно. «Ладно, — думаю, — будем с ним вместе марки копить».

С тех пор он каждый вечер марки клеит, а я лежу и читаю ему вслух.

Рассказал я это всё ребятам на совете дружины. Они не перебивали. Только потом Олег Ласточкин на меня прищурился и улыбается так ехидненько:

— Сочиняешь ты чего-то, Торопков, — говорит. — За хлебом-то всё же кто ходит?

— Дедушка, — вздохнул я.

— Ты, может, чем другим ещё старшим помогаешь? — спрашивает Наташка Вересова.

Я думаю, думаю, — похвастаться нечем. Молчу. Ребята тоже молчат, искоса на нашего нового пионервожатого Володю поглядывают. Он к нам недавно с завода пришёл. Токарь он, хороший парень, столько всего делать умеет! Не меньше, чем мой дедушка.

Володя улыбается, на ребят смотрит. А потом встал, подошёл, руку на моё плечо положил и говорит:

— Молодец, Костя! Правильно действуешь. Старшим помогаешь отлично. А дедушке твоему, мастеру Павлу Федосеевичу Торопкову, моему первому учителю, большой привет передай. Скажи ему, что на заводе работаем мы по-торопковски, а внука его от всего цеха благодарим.

Кто здесь прошёл?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Д В О Е

(Р А С С К А З)

РОВНО в семь вечера, вызванный телефонограммой, в кабинет председателя ревкома товарища Крупатких вошёл низенький, шустрый парнишка и деловито спросил:

— Звали, товарищ предревкома?

— Звали, — ответил Крупатких. — Присаживайся, товарищ Авангард.

Тот, кого называли столь звучным именем, уселся в ободранное кожаное кресло, вынул из кармана холщовый кисет, с шиком свернул здоровенную «козью ногу», ловко чиркнул колёсиком зажигалки. Сквозь сизое облако дыма, окутавшее его, было видно, что он рыж и веснушчат. Даже его одежда имела рыжеватый оттенок. Облезлая шапчонка просвечивала рыжинами, когда-то чёрная кожанка (явно с чужого плеча) порыхтела от времени и даже кобура, висевшая на куске телефонного провода, была какого-то светло-морковного цвета.

На усталом, тёмном лице председателя ревкома с жёлтыми от бессонницы веками промелькнула неожиданная озорная улыбка.

— Ну, как дела, товарищ Авангард? Всё покуриваем и дымим? Смотри, никак уши почернели.

Авангард высокомерно улынулся и пожал плечами. Было ясно без слов, что он не считает для себя возможным поддерживать подобные разговоры.

— Ого, какой ёрш! — добродушно сощурился Крупатких. — А кстати, товарищ Авангард, тебе сколько лет?

Авангард нахмурился. Крупные коричневые веснушки на ноздрах дрогнули.

— Ну, допустим, скоро шестнадцать! — вызывающе ответил он. — А что?

— Нет, ничего! — кротко сказал председатель ревкома. — Просто очень уж это здорово, когда скоро шестнадцать! — Он повернулся к инструктору военобуча Башкату, сидевшему рядом на подоконнике. — Вы, кажется, знакомы?

Башкатов, синеглазый, с белокурой бородкой, похожий на былинного доброго молодца, посмотрел на Авангарда и сказал многозначительно:

— Да, бывали встречи!

Авангард непроницаемо молчал.

— Так вот, дорогой мой Авангард! — сказал Крупатких. — Всё мы знаем, всё понимаем! Идёт война, рвётесь в бой, считаете, что вас держат в тылу! — Он пристально посмотрел на

Авангарда. — Могу тебе сказать вот что: не в храбрости твоей мы сомневаемся, не слюнявой жалостью тебя жалеем... Дошло бы до сражения, — послали бы в самое пекло... Не спеши. Ещё столько всего ляжет на твои молодые плечи! Вот хочу тебе предложить одну работёнку — по-моему, ничего себе... Как твоё мнение, товарищ Башкатов?

— Работёнка подходящая, — улынулся Башкатов, показывая ряд белых зубов.

Авангард опасливо посмотрел на них: «Кажется, опять пошли шуточки! Лучше промолчать».

— А ты дипломат! — усмехнулся Крупатких. — Ну, слушай! Отправляем в Москву четыре вагона продовольствия. В ответ на обращение Ленина! Сопровождает Башкатов... Как, Еремей Петрович, берёшь помощника?

— Беру! — ответил Башкатов.

ТОВАРНЫЕ вагоны с надписью «Москва. Наркомпрод» стояли на запасном пути далеко от вокзала. В незапечатанную теплушку, в которой должны были ехать сопровождающие, бережно внесли и поставили большой ящик, туго обшитый старым, но чистым холстом. Сверху было чётко написано синей краской: «Тов. ЛЕНИНУ. Лично! От красноармейских отрядов и рабочих гор. Торцева. 1919 г.» В ящике лежали подарки, трофеи недавних боёв с колчаковцами: массивные американские банки со сгущённым молоком и жидким мармеладом, плоские коробки японского производства с рыбным филе и паштетами, английские из золотистой жести, с нарисованной на крышке свиной головой, и многие другие деликатесы, которыми международная буржуазия кормила белогвардейцев. Тут же, в отдельном ящике, проложенном изнутри войлоком, находился чернильный прибор из уральского камня, сделанный рабочими грабильной фабрики.

Когда будет сформирован состав и подадут паровоз — об этом в Торцеве знали столько, сколько о ближайшем землетрясении. В ожидании поезда люди жили на вокзале, спали и ели, вели бесконечные разговоры.

Было известно, что в паровозоремонтных мастерских собирают паровоз, и сотни людей — от председателя ревкома до мордатого мешочника, рассчитывающего провозить крупу и соль в голодные районы, — с нетерпением узнавали о ходе ремонта.

Пока Башкатов занимался приёмкой вагонов, Авангард побывал у себя на Советской улице, в малень-

ком домике с зелёными ставнями, где пахло печёным хлебом и выглаженным бельём.

При отце, который погиб в первых боях с белоказаками, Авангард учился в городском четырёхклассном училище, но последние два года почти не бывал на уроках.

Пришлось ему воевать с учителями-саботажниками, громить на собраниях скаутов, которые ходили в широкополых шляпах и чулках до колен и яростно кричали с мест, что молодёжи политика не нужна. Ему пришлось охранять склады, дежурить в укоме, ворочать железный лом на субботниках, учиться владеть оружием.

Придя домой, Авангард коротко сказал матери, что его посылают в Москву, и запретил ей собирать его в дорогу. Наотрез отказался взять с собою бережённы «на чёрный день» продукты — жёлтого хлеба, круто посоленного сала, кулёк с рафинадом. Потом неловким, угловатым движением погладил мать по плечу, мучительно сморщился и быстро ушёл.

А Еремей Петрович Башкатов трудился тем временем с неукротимой энергией. Прощаться ему было не с кем: он был одинок.

С четырнадцатого года он проживал, главным образом, в окопах, землянках, блиндажах, под открытым небом, довелось служить на корабле, хватить горя в военной тюрьме.

Теплушка — «40 человек и 8 лошадей» — была для него родным домом, и он сразу же принялся обживать её с усердием и сноровкой бывшего солдата-фронтовика.

МЕДЛЕННО, точно страдая одышкой, двигался паровоз. Раскачиваясь, скрипели и скрежетали вагоны.

Вечером зашёл «старший» — пожилой, усатый железнодорожник в засаленной фуражке. Старший принёс щепоть настоящего чая на заварку, завёл разговор.

От раскалившейся «буржуйки» и горячего чаепития стало жарко. Открыли двери, и под сбивчивый перестук колёс потянулись тихие, заснеженные поля, редкие, одинокие домики с мигающими огоньками...

День унесло, как льдину, и, почти неотличимый, вслед за ним выплыл другой. Так же надсадно скрежетали ревматические суставы вагонов, так же отползали назад снежные поля, то серые, то синие, то зернисто-поблёскивающие, точно присыпанные нафталином. Издевательски медленно проходили мимо почерневшие от копоти верстовые столбы, как бы приговаривая вслед поезду: «Не скоро ты доберёшься до моего соседа!»

На станциях Башкатов прицеплял к поясу маузер в деревянной кобу-

ре, Авангард — свой воронёный наган, и они выходили наружу. В поезде, который их вёз, было несколько пассажирских вагонов.

Бесформенный людской прибой с грохотом, с рёвом голосов накатывался на вагоны, переполненные до удушья. Чем-то похожие друг на друга мужчины, с огромной кладью за плечами, пробивали сплошную людскую стену, не слыша ни проклятий, ни угроз, ни женского плача, лезли на буфера, на сцепки, пробирались на крыши.

Агенты Трансчека, красногвардейцы, оглушённые, охрипшие, ворочались в этой стиснутой, хрипящей толпе, проталкивая в тамбуры женщин, стариков, инвалидов. Люди метались по платформе, сшибаясь чемоданами, узлами, котомками, ящиками, бросались к теплушкам, но у каждой стояли часовые с оружием наготове, охраняя драгоценный груз, кровь Республики — хлеб...

БАШКАТОВ, чутко дремавший на краешке нар, вскочил, рванул дверь. Что-то пробормотал со сна Авангард и снова тяжело задышал полуоткрытым ртом. Белёсое утро оседало на землю. За снежными полями, над чёрной, точно проведённой тушью линией горизонта просвечивало багрово-красное пятнышко.

«Пожар! — подумал Башкатов. — Далеко!»

Непрерывно звонил станционный колокол, будоража спящих. К вокзалу потянулись потревоженные фигуры. Некоторые одевались на ходу.

Человек в матросском бушлате, перевитом пулёмётными лентами, стоял у колокола. Возле него беспорядочно толпились люди с винтовками. Рядом на длинной скамье лежали самодельные носилки, покрытые грубым деревенским рядом, и груда винтовок.

Колокол умолк. Высокий пулемётчик обвёл взглядом молчаливых людей, собравшихся вокруг.

— Граждане! Смотрите! Невыносимо смотреть, а нужно! Глядите все!

Он снял рядно с носилок. Лицом вниз недвижно лежал человек без рубахи. На его странно белой спине резко выделялись синие полосы. Какая-то женщина, стоявшая близко, закрыла лицо руками и бросилась прочь.

— Граждане! — резко спросил пулемётчик. — Все видели?

— Говори! Чего тянешь! — крикнули ему из толпы.

— Вот-вот, граждане, — голос у него был сильный, металлический. — Мы из Московского продотряда. Здесь заготавливается хлеб для голодных губерний. Тут кругом живут богатеи. У них хлеб лезет назад из глотки, а хоть умри у порога, — ни крошки не дадут! Согласно продразвёрстке они обязаны сдать хлебные излишки, но пошли против Советской власти и голодающего народа! И вот что они делают с людьми: застегали насмерть своего же крестьянина-земляка, что показал, где гниёт кулацкий хлеб! И мы его, хоть неживого, увезли от надругательства, чтобы захоронить честь по чести. — Он осторожно положил материю на носилки и замолчал.

Тишина стояла на платформе. Казалось, люди перестали дышать.

— Вот это зарево видать далеко! — пулемётчик показал рукою на снежные поля. — Это горит село Троицкое! Там наш сыпной пункт. Об этом хлебе уже дана сводка в Наркомпрод, этого хлеба ждут голодные, опухшие дети. Там сейчас наши товарищи. При горячей помощи трудового крестьянства они спасают хлеб от злодейского поджога. Но злодеи на этом не остановились. Они у Силаева разобрали рельсы, испортили путь. Хотят сорвать наш хлебный эшелон. Так что же делать, товарищи? — Он возвысил голос. — Ответ только один: пугануть гадов, разогнать ихнюю банду. Отремонтировать путь, поставить охрану. И пусть

идут наши поезда! Тут есть товарищи мужчины, которые могут взять оружие в руки. Оружие у нас есть, мы дадим его каждому честному товарищу.

— Ясно! Начинай! — крикнул чей-то молодой, звонкий голос, показавшийся Башкатову очень знакомым. Он шагнул из толпы и сразу же увидел Авангарда.

— Позволь, — сказал он с величайшим изумлением, — ты же спал, как сурок?!

— Когда нужно, я просыпаюсь! — отрезал Авангард.

Башкатов одобрительно посмотрел на него.

— Так вот, братишка Авангард! — начал он самым будничным своим тоном. — Стало быть, дело обстоит так...

— Нет, не так! — крикнул вдруг Авангард. Лицо у него побелело и веснушки выступили на щеках и на лбу, точно шляпки от вбитых гвоздиков. — Я знаю, как оно обстоит! Я имею право взять винтовку и идти с ними!..

Башкатов молча смотрел на Авангарда, точно обдумывая, как отне-

стись к его словам. Наконец лицо у него побавровело, на скулах вздулись желваки:

— Товарищ Мальцев! Прекратить немедленно!

Авангард вздрогнул, как будто ему приложили ледяшку к голому телу. Он отвык от своей фамилии, позабыл о ней, и сейчас она дико резанула слух. Рядом гудели голоса, звякали затворы, но он ничего не слышал. Он только видел лицо Башкатова: каменные желваки, бешеные глаза.

— Прошу не забывать, что вы являетесь подчинённым мне по приказу ревкома! — гудел голос Башкатова. — Приказываю вам оставаться при вагонах и дожидаться моего возвращения! За целостность пломб, за сохранность груза вы отвечаете своей жизнью. В случае попыток проникнуть в вагоны — применять огнестрельное оружие и гранаты! Ясно?

Авангард закусил губу.

— Отойдёте к вагонам! — жёстко сказал Башкатов.

Они молча подошли к теплушкам.

— Оставляю вам этот пакет! — Башкатов посмотрел ему прямо в глаза, точно гипнотизируя. — Здесь все документы. Хранить их надо больше собственной жизни! Куда вы их положите? — резко спросил он.

— Положу в грудной карман куртки и зашью, — деревянным го-

лосом ответил Авангард, принимая от Башкатова плотный конверт.

Башкатов хмуро следил за движением его руки, опускавшей конверт в карман, круто повернулся и пошёл на станцию.

...На платформе шла настоящая мобилизация: как будто люди являлись с повесткой на призывной пункт. Подходили молодые и пожилые, ехавшие по разным делам, называли свои фамилии, получали оружие и отходили влево, как было им указано.

Какая-то женщина завывала вдруг и повисла у деда на рукаве:

— И куда тебе на войну... корявому чёрту... тоже... суётся!

— Закрой фонтан! Усохни! — грозно сказал дед. — Становись рядом! Будешь сестрой милосердной... И вы, другие бабы, становись, если вы сочувственные женщины!

ЧАС за часом шагал Авангард возле теплушек — туда и обратно, без остановки. За пепельно-серыми полями медленно угасало зарево, точно неровно растёрли сиреневую краску над далёкой полоской леса. Куда-то в ту сторону ушёл Башкатов с винтовкой...

Глубоко под тяжёлыми, горячими веками ворочалась боль, стучала в виски. Он шагал и шагал — туда и обратно, сжимая кулаки до хруста,

чтобы не думать об этой тупой, ноющей боли.

Безмолвный чёрный поезд точно примёрз к насыпи, кое-где в окнах слабо мерцали копилки.

Сколько прошло времени, как ушёл Башкатов? Мучительно долго тянется час, а за ним другой, третий. И вот как будто набросили на глаза тёмный платок — уже ночь! А потом начинает блёкнуть свет в единственном освещённом окне на вокзале, потом к нему незаметно подступает мышино-серый рассвет.

Авангард остановился у дверей теплушки. Жар и озноб проходил по телу крупной дрожью. Он чувствовал, что надо сделать какое-то последнее, отчаянное усилие, чтобы жить, смотреть, охранять вагоны,

иначе он повалится куда-то вниз, в яму...

Он поднял руки, вцепился в дверные поручни, как бы удерживая на голове и на плечах свинцовую тяжесть, которая давила его к земле. Потом открыл глаза. Пальцы мёртвой хваткой сжимали холодную железную скобу. Он попытался разжать их и застонал. Наконец ему удалось разжать пальцы. Он шагнул вперёд, как слепой. С огромным усилием, точно взбираясь на крутой подъём, сделал ещё несколько шагов, покачнулся и пошёл туда и обратно, как маятник.

Он медленно прошёл вдоль вагонов.

Рассвело. Из дверей вокзала вышли на платформу военный в пенс-

не и широкоплечий комендант. Они долго глядели на поезд, о чём-то переговариваясь, потом направились к задним вагонам, прямо к Авангарду.

Комендант жадно курил, лицо у него было бурое, воспалённое. Военный крепко сжал губы, потом сказал Авангарду:

— Я думаю, что мне нет необходимости подготавливать вас к сообщению. Дело в том, что товарищ Башиков...

— Башкатов! — сказал Авангард.

— Да, товарищ Башкатов, — поправил себя военный. — Благодаря товарищу Башкатову был захвачен пулемёт и удалось быстро разоружить банду. Можно сказать, что товарищ Башкатов погиб геройски, сражаясь с осатаневшими врагами народа! — он быстро взглянул на Авангарда. — Нам пришлось потерять ещё четверых товарищей с этого поезда...

Он говорил ещё что-то, гладко и округло, но слова его точно относились порывами ветра.

Авангард напрягал все силы, чтобы охватить полностью то, о чём говорил ему человек в пенсне, и всё-таки что-то самое главное ускользало от него...

— Вам очень плохо, товарищ? Вы, кажется, совсем больны? — спросил вдруг военный. Он снял очки. У него оказались маленькие светлые глаза с очень добрым выражением. — Понимаете, с этим шутить нельзя. Может, отправить вас в дорожный госпиталь?

Авангард сжал кулаки. Длинные, отросшие ногти впились в ладони.

— Нет, ничего особенного, — ответил он. — Мучает простуда. Пройдёт.

ПРОЕХАЛИ Мансурово, Гальшу, Сеткино. Пошли северные вёты. Вороньё задумчиво сидело на придорожных столбах. Возник из снежного тумана город Ревда. Здесь поезд брали приступом, охрана стреляла в воздух, сыпались стёкла...

Три человека, навьюченные огромными мешками, долго кружились вокруг прицепных товарных вагонов. У последнего вагона, неподвижный,

точно замёрзший, стоял невысокий парнишка в рыжей кожанке, сжимая рукой тяжёлый наган.

Трое пошептались, один подошёл к вагону.

— Мы с товарищами думаем, — вкрадчиво начал он, — что если бы вы убрали эту штучку, мы бы потолковали... Есть очень хорошее предложение насчёт доехать до Москвы...

Он заглянул под надвинутую шапку Авангарда и попятился.

— Ну, ладно, ладно! Ничего я такого не говорил!

...Поехали дальше.

Авангард потерял счёт дням. Ночью ему слышалось, будто с вагонов срезают пломбы. Он судорожно тащил тяжёлую дверь. Никого не было. Палал снег. Даже на стоянках ему казалось, что колёса отбивают под полом свой чутунный, бесконечный такт.

— Держись? — заглядывал к нему старший. — Держись крепче! Я тебя сейчас угощу гостинцем, ты такого и не слыхивал. Как раз для болящего. Называется какава. Тут одна спекулянтша растерялась. Садись, похлебай.

И снова колёса стучали у самого виска. Авангард затыкал уши, обматывал голову мешками и орал дикие песни, чтобы отогнать подступающий бред.

Иногда казалось, что болезнь отходит. В такие минуты Авангард упорно думал о Башкатове. На печурке стоял его солдатский котелок, на гвоздике осталась висеть прокуренная до черноты изогнутая трубочка — Башкатов забыл взять её.

ПРИБЫЛИ в Чайково. Весёлый кирпичный вокзальчик был ярко освещён солнцем. Галки прыгали по снегу. Около водокачки стояла снежная баба. Мальчишки катались на самодельных лыжах. Маленький чёрный пёс бегал за ними и заливался лаем.

Впервые за долгое время Авангард почувствовал себя лучше. Ноги ещё дрожали при каждом шаге, но зато голова была ясная. Он дошёл до конца платформы и спустился по ступенькам прямо в снежное поле.

Приятный морозец пощипывал лицо, солнце слепило глаза. За домиками станционного посёлка синел далёкий лес. Где-то посапывала лесопилка.

Он взял горсть снега, скатал снежок и бросил в галку, сидевшую на срубе. Сразу заняло плечо от усилия. «Здорово ослаб», — подумал он, разглядывая свою исхудавшую руку. А всё же хорошо было сейчас на сердце и верилось, что Москва близко, что доведётся её увидеть.

Ещё издали он увидел у теплушек каких-то людей.

Высокий человек с отвислыми жёлтыми усами и длинной жилистой шеей, торчавшей из заношенного кашне, вопросительно посмотрел на подошедшего Авангарда. Рядом с ним стояли двое парней в шинелях, с винтовками и гранатами у пояса.

— Ты кого тут ищешь, товарищ? — обратился высокий к Авангарду.

— А ты кого ищешь? — в тон ему спросил Авангард.

— Ищу сопровождающих. Не видал, кто находится при этих вагонах?

— Я нахожусь при этих вагонах! А вам чего нужно?

— Ага, значит ты... — неуверенно сказал высокий и поправил нитку за ухом, державшую очки. — Ну, тогда покажем друг дружке наши документы.

Порывшись в пальто, он подал Авангарду кусок серой бумаги с лиловым штампом.

«Дано сие т.т. Калачу Ф., Гусеву М., Омельченко И., — прочитал Авангард, — работникам Наркомпрода в том, что им поручается встретить и доставить в адрес Наркомпрода (Москва) вагоны, следующие с продовольствием, что и удостоверяется подписями и приложением печати».

Прочитав бумажку, Авангард предъявил свой мандат и накладные.

— Вот мы и познакомились, — сказал высокий. — Я — Калач, а эти — товарищи Гусев и Омельченко, все рабочие. Мы тут давненько торчим.

Авангард переспросил:

— Так вы, значит, из самой Москвы?

— А как же, милый! Прямо из неё! — ответил Калач.

ПОСЛЕДНЯЯ ночь в теплушке. Густой, плотный мрак. Рядом вповалку спят москвичи. Кто-то из них тонко свистит носом, скорее всего Калач.

Авангард завидовал им. Хотелось крепко заснуть и пробудиться в Москве, а сон не приходил, память настойчиво подсовывала ему какие-то кусочки, обрывки... Странно, до чего забыл он свой город! Бесконечно давно было это, когда он вошёл в кабинет Крупатки. Дни, убежавшие вместе с телеграфными столбами, сливались в один длинный, тягучий день. Только Башкатов ярко стоял перед глазами, широкоплечий, весёлый, в шинели со следами споротых погонов...

Авангард не отрываясь смотрел в раскрытую дверь. Потянулись хмурые склады, осевшие в землю вагоны, похожие на огромные чемоданы без ручек. Вдали над приземистыми кирпичными зданиями поднялись трубы.

Хрипло прокричал паровоз. Замелькали перед глазами причудливые переплёты моста. Внизу — серые дома.

Авангард задрожал. Это — московская улица. Он увидел трамвай первый раз в жизни. Трамвай мчал площадку с дровами. На дуге его вспыхивали зелёные искры.

Широкое полотно перед вокзалом, стальное сплетение реек, длинная каменная коробка депо. И вот потемнело небо над теплушкой, гулкое эхо прогремело под стеклянными сводами.

— Приехали с орехами! — сказал Калач.

— Как приехали? Это всё?

— Всё! — подтвердил Калач. — Дальше стенка. Тупик!

Авангард соскочил на платформу. Она колебалась под ним, как палуба. Сквозь пробоины стеклянной крыши падали комочки снега.

Он посмотрел на указатель: «В город!»

За стенами вокзала приглушённо шумел ещё неведомый ему московский день.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ Наркомпрода вызвал по телефону коменданта Кремля и сообщил, что прибыл делегат с Урала и что при нём находятся подарки от рабочих и красноармейцев для товарища Ленина. «Как фамилия?» — поспешно спросил он. Авангард запнулся:

— Авангард... Мальцев...

— Ангар Малец! — крикнул уполномоченный в трубку и сказал Авангарду:

— Сейчас пришлют транспорт из Кремля!

Странное чувство неважности всего происходящего охватило Авангарда. О нём ли это разговаривают сейчас с комендантом Кремля? Возможно ли, что он, именно он, связан с такими словами, как Ленин и Кремль? И опять затрепетало сердце от какого-то необъяснимого волнения...

Вошёл молодцеватый курсант, спросил, где товарищ делегат. Увидев делегата, усмехнулся.

На площади, против вокзального подъезда, пыхтел грузовичок, как видно, переделанный из легковой машины. Ящик осторожно положили в кузов. Туда же забрались курсанты и Авангард со своей котомкой. Грузовичок дёрнулся, громко выхлопывая газ и оставляя позади удушливое чёрное облако. Мостовая была в ямах и выбоинах, подбрасывало отчаянно. Ехали по безлюдным узким улицам, мимо пустырей, мимо домов и магазинов с заколоченными витринами, мимо заваленных снегом бульваров с лиловыми деревьями.

Выехали на широкую площадь. Перед глазами возникли зубчатые стены и башни Кремля.

У ворот к ним подошёл командир охраны, что-то спросил у шофёра и махнул рукой. Грузовичок въехал в ворота.

Хотелось увидеть и запомнить каждую мелочь, но всё рассеивалось, разбегалось перед глазами, и не было ощущения, что он находится

в Кремле. Ещё недавно это слово вызывало в его воображении вид грозной крепости с бастионами, амбразурами, подъёмными мостами, пушками и войсками, марширующими под барабанный бой. Но он шёл по городской улице, мимо городских домов и церквей, шаркая по булыжной мостовой, нигде не встречая ничего воинственного, если не считать пушки с отвалившимися колёсами — она валялась у ограды возле кучи брёвен и битого кирпича.

В бюро пропусков он предъявил все свои бумаги, вплоть до удостоверения с самодельною печатью, где подтверждалось, что он действительно является председателем комитета учащихся бывшего городского четырёхклассного училища. Начальник бюро, с глубоко залёгшей складкой между бровей, улыбнулся, просматривая эти бумаги, и задал делегату с Урала несколько коротких вопросов. Вскоре ему вручили пропуск, и Авангард не без гордости проследовал мимо ожидавших здесь людей, которые посмотрели на него с удивлением и, кажется, с завистью.

Потом он проходил санобработку. В тесной бане ему дали целый бачок горячей воды (холодной —

сколько хочешь!), жёсткую мочалку и кусок клейкого мыла, пахнувшего рыбой. Одежду его унесли в «прожарку».

Он намылился, сел на лавку и вдруг с мучительной, обжигающей душевной болью подумал, что вот здесь, рядом с ним, должен был находиться сейчас весёлый Башкатов, брызгаться водой, сверкать глазами и зубами. Точно растаяло что-то внутри и распался какой-то ледяной обруч, стискивавший горло, и он беззвучно зарыдал, поливая голову водой так, что никто из мывшихся рядом не мог заметить его слёз.

После бани Авангарда отвели на квартиру к коменданту. Подтянутый, быстрый в движениях, он улыбнулся Авангарду и крепко пожал ему руку.

— Здорово, товарищ! С Урала? Долго ехал? Ого, порядком! Садись, отдыхай! Садись на диван, здесь мягче...

— Ящик отнесли на квартиру Владимиру Ильичу! — сказал просто комендант. — У тебя есть какие-нибудь поручения?

Авангард достал из кармана документы, письмо,

— Хорошо, держи при себе! Отдашь в секретариате. А пока, значит, располагайся здесь, как дома, отдыхай.

Он ушёл. Авангард прошёлся по комнате, сел на диван. Было необыкновенно тихо — ни единого звука вокруг. Хотелось сидеть вот так, в полной неподвижности. И он долго сидел не шевелясь, полузакрыв глаза, впитывая в себя давно не испытанное чувство покоя...

Пришла женщина в красном платочке, с маленьким подносом в руке.

— Чего же в темноте сидите? Свет уже дали! — приветливо сказала она, щёлкая выключателем. — Садитесь, ужинайте! — Она поставила на стол тарелку с ломтиком хлеба, стакан с какой-то тёмной жидкостью.

Авангард робко спросил:

— Это из кремлёвской столовой?

— Да! Сегодня у нас на ужин кисель из хлебного кваса! Очень вкусно!

Стараясь прочувствовать каждый глоток, Авангард медленно ел кремлёвский кисель.

КОМЕНДАНТ внимательно посмотрел на стоявшего перед ним маленького человека в рыжей потрескавшейся кожанке. Тот зябко ёжился и дышал, как на морозе. Казалось, что он сейчас начнёт стучать зубами.

— Выпей чаю!..

— Нет... не могу... — сдавленным голосом ответил Авангард.

Комендант ободряюще похлопал его по плечу.

— Ты не волнуйся, землячок, не нервничай. С Владимиром Ильичём очень легко разговаривать. Он и сам слушает и вопросы задаёт. Не торопись, отвечай спокойно и всё будет в порядке...

Авангард молча кивнул головой.

— Отправились! — сказал комендант. — Назначено на одиннадцать.

Прошли несколько постов. В длинном коридоре часовые проверили пропуск.

Потом Авангард переступил порог светлой комнаты, где стояли простые столы и стулья, заваленные бу-

магами. Слышалось стрекотание машинки.

Женщина, сидевшая за столом, подняла на него строгие глаза.

— Садитесь, товарищ!

Он сел на кончик стула. Хотелось откашляться, в горле застрял комок.

Женщина коротко спросила его, откуда он прибыл, кем делегирован, цель приезда.

— Вы хотите передать что-нибудь товарищу Ленину?

Авангард достал конверт и бумажку с печатью ревкома.

— Посидите! Я сейчас вернусь!

Она взяла письмо, бумажку и вышла в соседнюю комнату. Авангард опасливо и негромко откашлялся. Не помогло — вязкий комок так и остался в горле. Он посмотрел на дверь, куда скрылась женщина, и ему представился бесконечный ряд комнат, одна за другою, а где-то в конце — огромный зал, где сидит Ленин. «А может, и не допустят — только передадут конверт и всё!» — мелькнуло вдруг опасение.

— Вы можете пройти к Владимиру Ильичу, — сказала женщина. — Вот сюда, пожалуйста!

Авангард встал, сделал несколько неуверенных шагов к двери, потянул ручку. Дверь не поддавалась. Он беспомощно оглянулся. Сердце билось у самого горла.

Женщина улыбнулась, и лицо её стало добродушным.

— Толкайте от себя!

Он толкнул дверь, остановился. Ослепительные потоки света лились сквозь протёртые, блестящие стёкла, пыль крутилась затейливым столбом, насквозь вызолоченная солнцем. Он стоял жмурясь, ничего не видя перед собой.

— Входите, товарищ, садитесь! — услышал он приятный, чуть хриловатый голос. — Я сейчас освобожусь!

Значит, не существует никаких комнат и залов. Только несколько шагов до стола, за которым сидит Ленин.

Авангард дошёл до кресла и сел. Кресло было мягкое и очень глубокое. Крышка стола оказалась почти вровень с его глазами, и первое, что

он увидел, был прибор из уральского камня, блестящий на солнце яркой полировкой. Рядом лежал аккуратно надорванный конверт.

Вид этих вещей, ехавших с ним так долго, действовал успокоительно. Он перевёл взгляд выше и увидел Ленина, сидевшего на стуле с высокой спинкой. Наклонившись, прижав ухо к телефонной трубке, он напряжённо слушал, рука с карандашом быстро бегала по бумаге.

Осторожно, точно боясь произвести шум, Авангард повернул голову и осмотрелся. Шкафы и полки с книгами, кожаный диван, портрет Маркса в раме. По стенам большие географические карты. Похоже на их школьную учительскую, только здесь дверей больше, целых три. За одной дверью слышалось постукивание телеграфного ключа.

Авангард снова украдкой взглянул на Ленина. Как раз в этот момент Ленин откинулся на спинку стула и рассмеялся в трубку. Он положил трубку, встал и протянул руку.

— Здравствуйте, товарищ! Извините, что заставил ждать!

Глаза его шурились, улыбались. Белый мягкий воротничок чуть свернулся набок.

Авангард посмотрел на него с радостным изумлением. Томительное чувство, подкатывавшее всё утро к сердцу, ушло бесследно, стало легко и просто.

— Начнём вот с чего! — сказал Ленин. — Вы сегодня ели что-нибудь? Завтракали? Только правду!

Этот вопрос застал Авангарда врасплох. Он часто заморгал рыжими ресничками. Что же делать? Ложь с первого слова? И всё же надо решиться.

— Я завтракал! — храбро сказал он. — Чай пил у коменданта.

— Правду говорите? — Ленин пытливо взглянул на него. — Ну, тогда садитесь поудобнее и будем толковать. — Он поискал что-то на столе. — Простите, запомятовал фамилию...

— Мальцев... Авангард! — сказал Авангард и покраснел так густо, что

веснушки на его лице сделались невидимыми.

Но Ленин, кажется, ничего не заметил. Он мягко спросил:

— Сколько товарищей сопровождало вагоны?

— Сопровождало нас двое! — бодро начал Авангард и остановился. Больше он ничего сказать не мог. Напротив висела карта бывшей Российской империи, исколотая флажками, испещрённая стрелами. Взгляд его скользнул по витой линии Уральского хребта. Где-то здесь — начало пути... И точно опрокинулись на него разом тряские дни и ночи, захлестнули до горла. Как рассказать об этом?

Но тут пришла помощь. Быстрые, короткие вопросы повели его вперёд, не сбивая и не давая оглядываться по сторонам... И вот — станция, зарево над далёким лесом, Башкатов с винтовкой за плечами...

— Да, дорого мы платим! — сказал Ленин. Глаза у него сузились, потемнели, пальцы стиснули карандаш. — Не хотят отдавать нам хлеб! — добавил он медленно и угрожающе. — Хотят взять нас измором...

«А вот Ленин узнал о Башкатове», — подумал Авангард. Было чувство, что сделано самое главное из всего, что он должен был сделать...

Ленин что-то отметил в раскрытой тетрадке, внимательно посмотрел на своего собеседника.

— Вы плохо выглядите! — неожиданно сказал он. — Устали? Нездоровы?

— Нет, я здоров! — торопливо ответил Авангард. — И не устал, нет!

Он чувствовал, что эти короткие, быстрые вопросы подбираются к нему всё ближе и ближе. Да, так и есть — Ленин спрашивает о родителях, о школе, в каком он классе, как занимается...

— Кончил трёхклассную школу, — упавшим голосом начал Авангард. — Потом в городском четырёхклассном училище. Перешёл в четвёртый класс... Произошла революция. И потом...

— Захватила политическая дея-

тельность! — закончил за него Ленин.

— Да! — растерянно согласился Авангард и весь как-то сник в своём мягком кресле. Следующий вопрос может превратить его просто в неуспевающего ученика, который два года числится в четвёртом классе...

Но вопросы, устремлявшиеся к нему, точно стрелки на карте, висевшей перед глазами, вдруг побежали в стороны. Ленин спрашивал: получают ли учащиеся завтраки, какой состав учащихся, какая политическая работа ведётся среди учеников...

У Авангарда заблестели глаза. Да это же его жизнь!

— Позвольте нескромный вопрос? — чуть улыбнулся Ленин. — Сколько вам лет?

Опять стрелки повернулись в его сторону, подобрались вплотную.

— Скоро шестнадцать! — ответил он с затаённой грустью.

— Скоро шестнадцать! — повторил Ленин. — Чудесно! Начало жизни! Но уже многое пережито и понято! Найден верный путь! — Глаза его заискрились. — Знаете, на каком пороге вы сейчас стоите? С белогвардейцами скоро покончим, нач-

нём восстанавливать, строить! Вы уралец, да? — быстро спросил он. — Знаете, кем вы должны стать? — он торжествующе посмотрел на Авангарда и сам ответил на свой вопрос: — Горным инженером! Обязательно! Учиться будем! — сказал он со страстной настойчивостью. — Все пойдём учиться!

Авангард смятенно улыбнулся. Он вспомнил о своих друзьях, о своих ребятах, увешанных оружием. И сам он думал только об одном: конь, грызущий мундштук, роняющий нетерпеливую пену, казацкая бурка или гимнастёрка в тугих ремнях с саблей и планшетом.

Низким басом загудел на столе телефон. Ленин снял трубку.

— Хорошо! — сказал он и покорился на часы. — Сейчас тридцать семь минут двенадцатого. Давайте ровно в двенадцать. Предупредите, что я опозданий не потерплю! — голос прозвучал резко, повелительно.

Авангард невольно съёжился в кресле: «Чего я сижу? Надо уходить!»

Ленин положил трубку, повернулся к нему. От недавней строгости и следа не осталось.

— А вот продуктов вы мне привезли слишком много, столько и не съесть! — Глаза его весело сощурились. — Но я не протестую. У нас есть слабые, больные дети. Вот мы их и подкормим. А вам не холодно в этой курточке? — вдруг спросил он. — Вы не замерзаете?

— Кто? Я?! — Авангард усмехнулся. — Мы, уральцы, привычные к морозу!

— Это хорошо! — улыбнулся Ленин. Придвинув блокнот, он стал что-то писать, не прерывая разговора.

— Я тут пишу маленькое письмецо Торцевскому ревкому, товарищам красноармейцам и рабочим. Их помощь для нас бесценна. И за эту чудесную вещь, — он посмотрел на чернильный прибор, — большая благодарность. Приятно знать, что она сделана на нашей, советской фабрике.

Он запечатал конверт, взял со стола бумажку и прочёл вслух:

«Торцевский ревком... ходатайствует... Газетного шрифта, клише... Пишущую машинку... Литературу, плакаты». Гм!

Он задумался, осторожно обмакнул перо и написал несколько слов.

— Отдайте это в секретариат! Постараемся удовлетворить все ваши просьбы.

Он встал из-за стола, подошёл к Авангарду:

— Хотите отдохнуть под Москвой? Так... отдышаться немного. Подумайте!

Авангард посмотрел на человека, стоявшего рядом, на его усталое, желтовато-смуглое лицо с зоркими, поблёскивающими глазами.

— Нет, Владимир Ильич (как просто и легко сказалось вдруг это!). Надо обратно ехать. Меня ждут!

Ленин подошёл ещё ближе.

— Когда доберётесь к себе, — сказал он тихо, — скажите товарищам, чтобы учились! Скажите, что я их прошу...

— Скажу! — ответил Авангард и заторопился. Что-то задрожало в горле, горькая, щиплющая влага наполнила глаза.

Ленин дошёл с ним до двери, крепко сжал руку:

— До свиданья, уралец! Счастливого пути!

Дорогие мои пионеры!

(Из записной книжки журналиста)

ЭТА запись относится к тем далёким дням, когда я была не журналисткой, а просто девчонкой со смешными короткими косичками...

23 мая 1924 года в Москве на Красной площади проходил пионерский парад, который принимали делегаты XIII съезда партии. Пионеры давали партии клятву верности заветам Ильича.

По всему Советскому Союзу проходили такие торжества.

Мы давно готовились к ним, так как решение о присвоении пионерской организации имени Ленина было принято ещё в январе.

...Наш пионерский отряд шагал по Невскому проспекту к Дворцовой площади. Там должна была состояться торжественная церемония присвоения пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

Мы так чеканили шаг, так весело распевали свои пионерские песни, что все прохожие останавливались, провожая нас приветливым взглядом.

Вот и площадь. Все отряды города уместились на ней.

Никогда не забуду момент, когда на трибуну поднялся старый комму-

нист с большой белой бородой. Он приветствовал ребят, которые отныне будут носить звание юных ленинцев. А потом торжественно, с расстановкой стал говорить слова пионерской клятвы.

Мы повторяли за ним слово в слово...

...Спустя 30 лет я снова вместе с пионерами была на Дворцовой площади — смотрела на них с трибуны.

Я видела счастливые детские лица. В памяти вставал тот, другой день...

...1931 год. Листок блокнота уже пожелтел от времени. Буквы стёрлись. Разобрать можно только два слова: «Девочка Миша».

Правда, странное сочетание? Девочка и вдруг... Миша! Эта запись относится к тем годам, когда ликви-

дировалась беспризорность. Борьба была нелёгкой. Оборванные, изголодавшиеся подростки упорствовали, скрывались от облавы. Слишком привычной стала для них вольная жизнь. Девочка, о которой мне хочется рассказать, оставшись сиротой, тоже очутилась на улице. Она поняла, что ей, девчонке, особенно трудно жить без крова. Раздобыв штаны и

рубаху, она стала парнем по имени Миша.

Много лет жила среди беспризорников девочка Миша, и никто не подзревал, что она совсем не Миша, а Маша. «Миша» специально следила, как мальчишки разговаривают, сплёвывая через зубы, как носят набекрень кепку и даже как неловко надевают на нитку иголку. Именно так: не нитку в иголку, а иголку стараются надеть на нитку. Словом, «Миша», переняв все мальчишеские манеры, стал стройным и ловким парнем. Приставшая потом к ребятам другая девочка даже влюбилась в «Мишу», о чём впоследствии не могла рассказывать без смеха.

Когда девочку «Мишу» поймали во время очередной облавы, ей пришлось открыть своё настоящее имя, чтобы не попасть в баню с мальчишками.

Трудно было Маше привыкать к платью. Она ходила, спотыкаясь, робко оглядываясь по сторонам: боялась встретить своих старых друзей. Узнают, побьют за обман! Но новые друзья оказались сильнее. Когда однажды один из новичков, узнавший в ней бывшего друга, со злостью дёрнул Машу за ухо, её окружило сразу несколько ребят... Мальчики и девочки с красными галстуками на груди не давали её в обиду и скоро стали самыми близкими друзьями. Они помогли ей забыть страшные годы беспризорничества, заставили учиться, сделали её человеком.

Спустя много лет, уже после войны, в редакцию пришла пожилая женщина. Улыбаясь, она сказала:

— Помните девочку «Мишу», вы писали о ней в газете? Так вот это я! Теперь я коммунистка, работница. Мой портрет на доске почёта. Никогда я не забуду своих первых настоящих друзей — пионеров. Это они меня вернули к жизни.

БЕЗЛЮДНАЯ дорога убегает в лес. Лошадка, запряжённая в сани, легко трусит по снегу. Я еду в деревню Березайку. Стараюсь представить мальчика Петю, кото-

рый так часто пишет нам в газету. Последнее его письмо встревожило всех. Оно у меня в кармане. Вынимаю, читаю. Неровным детским почерком написано: «Приезжайте к нам. Кулацкая дочка Настасья стала нашей учительницей. Она не любит пионеров, издевается над сироткой Аннушкой, а мне за то, что я пишу в газету, ставит двойки».

И вот он передо мной, маленький корреспондент с неровно обрезанными льняными волосами. Переступая с ноги на ногу, он мнёт в руках рваную большую ушанку и счастливыми глазами смотрит на корреспондента «Ленинских искр». Шутка ли — приехал дочка Настасья больше не будет издеваться над бедняками, наконец-то найдётся управа и на подкулачника Григория, который пролез в сельсовет.

Сколько было в то время юных корреспондентов — смельчаков, которые вместе со старшими боролись с кулаками, писали, разоблачали!.. Этих ребят не страшила трагическая участь Павлика Морозова. Его пример воодушевлял, звал на борьбу.

Эта запись относится к 1934 году.

А ВОТ ещё одна, уже более поздняя, сделанная в военный 1941 год...

...Ночь. Небо звёздное-звёздное. У свежесобранной скирды ржи — пио-

неры. Здесь и весёлый с красными веснушками Валя Головин, и строгая, рассудительная Катя Заморзаева, и её работающий брат Саша...

Макая краюху хлеба в кружку с молоком, они с аппетитом её жуют.

В волосах у девочек застряла солома. Мальчикам лучше — на бритых головах ничего не держится.

Лица усталые, но счастливые. Ещё бы, ребята выполнили обязательство, взятое перед колхозом!

А взялись они за нужное, ответственное дело. Это была первая военная осень. Мужчины ушли на фронт. Оставшиеся колхозники не успевали убрать урожай. И вот пионеры, эвакуированные из Ленинграда, воспитанники интерната № 18, взялись вручную заскирдовать оставшуюся на поле рожь.

Обычно скирдование происходило так: на лошади колхозники объезжали все суслоны, складывали снопы на подводу и свозили их к скирде. Но в эту осень лошадей в колхозе осталось мало. Пришлось скирдовать вручную. Ребята с носилками обходили всё поле, забирали снопы и подносили к скирде. Медленно двигалась работа, дня не хватало. И чтобы успеть до дождей убрать рожь, пионеры работали по ночам.

В записной книжке я нашла такую запись: «У Вали Головина на трудовом счёте уже 300 трудодней!»

В те годы пионеры интерната № 18 завели себе трудовые книжки. Они ничего не получали по трудодням. Счёт вёлся для того, чтобы после войны можно было отчитать

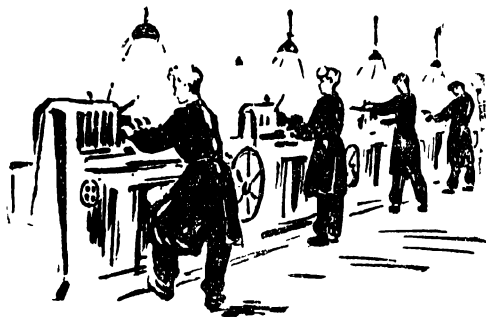
ся перед родителями: «Мы не сидели сложа руки. У наших отцов был боевой счёт — сколько убито фашистов, а у нас трудовой счёт — что мы сделали для Родины».

А ВОТ совсем ещё свежая запись: «451-я школа. Школьный завод». Дальше — фамилии и цифры.

Особенно интересны цифры: за одну зиму сделаны десятки тысяч деталей для своих шефов. Заработано 12.000 рублей. Больше 50 воспитанников школы получили рабочие специальности и работают на заводе...

Партия призвала пионеров воспитывать своих товарищей в труде. Юные ленинцы и тут оказались в первых рядах. Школьный завод, который по-настоящему осуществляет задачу, поставленную партией перед молодым поколением, создан пионерами и комсомольцами школы.

...Не все блокноты сохранились. Но в памяти живут ещё очень много мальчиков и девочек, которые каждый день делают маленький, по своим силам, вклад в общее дело построения коммунизма. Недаром вот уже 35 лет они носят имя великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина.

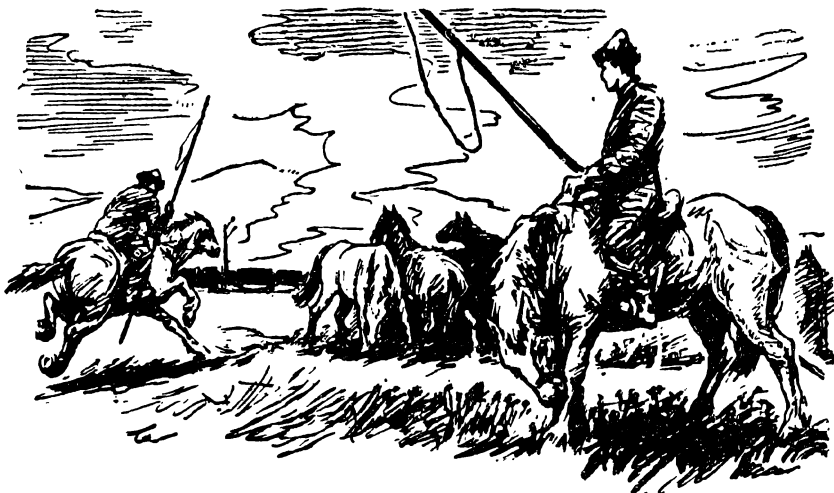

ХОРОШО зимой! Коньки, каток, карусель ледяная!...
Постойте!.. Что же это такое получается? Все слова — на одну и ту же букву «к». А ну-ка, давайте поищем, нет ли ещё на этом рисунке **предметов**, название которых начинается с буквы «к». Конечно, есть! И немало — штук 50! А может быть, и побольше!

Вооружитесь карандашом, бумагой, внимательно рассмотрите рисунок А. Илючека и выпишите все слова на букву «к». Фамилии ребят, которые раньше всех пришлют наибольшее количество таких слов, будут опубликованы в «Искорке» № 3.

На берегах Байкала

КОГДА я сообщил друзьям, что меня направляют на работу в Бурят-Монголию, они молча переглянулись, а долговязый Коля Скачков вздохнул и сказал:

— К Байкалу, значит, поедешь? Интересно! Вот и посмотришь на дикие степи Забайкалья, «где золото роют в горах...»

Сборы заняли немного времени. Незаметно прошли восемь дней пути, и вот я в городе Улан-Удэ.

Большой и красивый вокзал. На площади стоят «победы» с шахматной полоской вдоль бортов — такси.

Через минуту мы уже мчались по широкой заасфальтированной улице. Мимо мелькали старые деревянные домишки и громадные стройные корпуса. Вдоль улиц зеленели газоны, а у тротуаров, выстроившись ровными шеренгами, тянулись к солнечному небу молодые деревца. «Победа» сделала поворот, и мы оказались на центральной улице, которая носит имя Ленина.

— Хороший город? — спросил шофёр такси, когда заметил, с каким интересом я смотрю по сторонам, и сам ответил: — Хороший. Поживёте немного и уезжать не захочется!

А город был и на самом деле хорош!

Сколько раз, проходя по улицам Улан-Удэ, я забывал, что нахожусь в далёкой Бурятии, а не в родном Ленинграде, где-нибудь в районе Каменного острова...

Вот только трамваев нет, да небо над головой особое — не ленинградское — без единого облачка, светло-голубое, словно выгоревшее от жгучих солнечных лучей.

За время работы мне пришлось побывать чуть ли не во всех уголках республики. И с каждым днём мне всё больше и больше нравились красота, богатство и разнообразие природы Забайкалья. На севере меня встречала вековая якутская тайга, где растут могучие кедры и лиственницы, а в зарослях бродят почти непуганные медведи и лоси. На западе я любовался заснеженными вершинами Саянских гор, которые своей красотой могут поспорить с Кавказскими хребтами. На юге передо мной открывалась строгая и скупая монгольская степь.

Моя давняя мечта — побывать на берегу Байкала — сбылась в первые дни.

Ещё издалека, подъезжая к озеру, я понял, почему Байкал назвали морем. В редких местах увидишь его противоположный берег. В самом узком месте ширина его достигает 25 километров!

Тихий и ласковый в погожую погоду, Байкал свиреп и страшен во время бури. По озеру ходят огромные водяные валы и с грохотом, напоминающим орудийную пальбу, разбиваются о прибрежные скалы. Горе тогда рыбаку, который не успеет добраться до берега: Байкал в такое время шутить не любит.

В рыболовецком колхозе я беседовал с самым старым рыбаком — дедушкой Цыреном, как его называли все, от мала до велика.

— А мы Байкала не боимся, — сказал старик. — Мы здесь родились и выросли. Раньше, правда, бывало такое дело — побаивались, значит. Идешь себе один на лодочке и, если что случится, — кричи не кричи, всё равно никто не услышит. А теперь, погляди-ка, на каких кораблях лов ведём! Годков двадцать назад на озере было только два парохода, а теперь целая Байкальская флотилия. И радио у нас есть.

Помню, однажды задержались мы допоздна. Рыба хорошо шла — крупная, большая, да местечко в трюмах ещё имелось.

— Как, — говорю ребятам, — пройдем ещё раз?

— Пройдем, — отвечают.

Только собрались сеть ставить, слышу, радист кричит:

— Дед Цырен! Тебя колхоз вызывает!

«Что такое?» — думаю. Оказывается, в правление сообщили, что шторм надвигается, вот и велел председатель спешить домой.

Пришли мы к дому. И вскоре Байкал разбушевался так сильно, словно нас потретье. А я сижу и думаю: «Ну и пусть сердится! Люди-то умней его оказались, да и опять-таки — радио...»

Не только байкальской рыбой славится республика. С давних пор буряты занимаются скотоводством. И сейчас, более чем когда-либо, в пло-

дородных долинах Селенги — одной из самых красивых рек, впадающих в Байкал, пасутся бесчисленные стада.

Чабаны * на своих мохнатых и низкорослых, но сильных и выносливых монгольских лошадках зорко охраняют отары и табуны от злейшего врага — волка.

Однажды в степи произошёл такой случай. Возвращался чабан из посёлка к пастбищу на мотоцикле, вдруг навстречу ему — волчья стая. Недолго думая, чабан разогнал машину и с полного хода налетел на первого, самого крупного волка — вожака. Ему удалось убить ещё двух волков, а когда погнался за последним, — на пути оказалась широкая канава. Влетели в неё и чабан с мотоциклом и волк!

Но не удалось уйти в степь серому разбойнику: во время схватки чабан руками задушил волка.

* Чабан — пастух.

Славные и смелые люди живут в Бурят-Монголии и, конечно, люди — главное богатство и гордость республики.

Однажды вечером, возвращаясь домой, я увидел около дороги трактор. У меня не было спичек, и я очень обрадовался, когда около трактора появился человек. Подошёл за огоньком к трактористу. Каково же было моё удивление, когда трактористом оказалась девушка-бурятка! Спичек у неё не было.

Я хорошо знаю тракторы, много лет работал с дизельными моторами, и мне очень отрадно было слушать, как девушка подробно рассказывала о том, чем заболел её хулэг — стальной конь. Было видно, что она очень хорошо знает устройство сложной машины, любит её и, наверное, хорошо работает на ней.

Прошло два года с тех пор, как я вернулся из Бурят-Монголии в родной Ленинград, но до сих пор, как только начну вспоминать чудесные забайкальские края, передо мной вновь встаёт смуглая трактористка в замасленном комбинезоне.

И снова я думаю о том великом пути, который прошла Бурятия за годы Советской власти. Как бы сложилась судьба этой девушки до революции?

При царизме буряты вели кочевой образ жизни. Нищие, оборванные и полуголодные, люди жили в дырявых дымных юртах, дети их болели страшной болезнью — трахомой. Царские чиновники не считали бурят за людей.

Местные богатеи — нойоны — жестоко эксплуатировали бедных ско-

товодов-аратов, издевались над ними. Церковные служители — ламы — дурачили народ. Шаманы, знахари и шарлатаны-колдуны, залечивали больных до смерти. Ни школ, ни больниц для бурят не существовало. Из 100 человек только двое — трое могли читать и писать, и весть об этих грамотеях летела из улуса в улус.

А нынче сотни бурятских юношей и девушек учатся в школах и училищах республики, в институтах и в академиях страны.

Великий Ленин открыл бурятам светлый путь в будущее.

Вместе со всем советским народом под водительством Коммунистической партии Советского Союза бурятский народ уверенной поступью идёт к нашей заветной цели — к коммунизму.

В центре Улан-Удэ, на высоком обрывистом берегу Селенги стоит памятник забайкальским партизанам.

У подножия его всё лето лежат букеты живых цветов.

Приносят их сюда учёные и рабочие, колхозники и артисты, писатели и воины Советской Армии, школьники и пенсионеры, старожилы города и молодые новосёлы — сыновья и внуки тех, кто лежит здесь, под гранитными плитами, отдав свою жизнь за свободу и счастье нашей Родины, за свободу и счастье Бурят-Монголии.

И люди, украшая могилу героев цветами, произносят одно простое и короткое слово:

Спасибо!

Когда звучит тишина

ПОЧЕМУ для весёлой музыки больше подходят тоненькие-пре-тоненькие звуки? И что будет, если попробовать сыграть смешную песенку на огромной бас-трубе?

Самым первым результатом такого опыта будет то, что никто не за смеётся. Никому, ни одному человеку не станет при этом весело.

Потому что низкие басовые звуки совсем не подходят для веселья. Низкие ноты придаёт музыке торжественность и величие, могут вселить в человека даже страх. Да вы, наверное, и сами замечали, что в кино, когда должны произойти какие-нибудь особые события, музыка как будто притихает, и только самая главная бас-труба изредка гудит: «бум-бум-бум-бум». Страшно делается, даже мурашки по спине начинают бегать... Но не всегда звуковое оформление ограничивается НИЗКИМИ звуками.

Я расскажу один случай, который произошёл в 1929 году в Лондоне.

В старинном театре репетировали новую пьесу. По замыслу автора в один из моментов спектакля действие должно было перенестись из XX в XVIII век. Но как сделать ощутимым такой «перескок» во времени, как заставить зрителей почувствовать то, что за один миг почти полтора века пробежали в обратном направлении? Режиссёр был в отчаянии. Он просто представить себе не мог, как выйти из этого положения. Устроить в момент «скачка» полное затемнение на сцене?.. Этого мало. Поймёт ли зритель переход из одной эпохи в другую?

И тогда кто-то посоветовал обратиться за помощью к знаменитому американскому физик-у Роберту Вуду, гостившему тогда в Лондоне. Вуд — большой любитель всевоз-

можных шуток — обязательно что-нибудь придумает.

Режиссёр так и поступил. Учёного, который находился в отпуску, заинтересовала необычная задача. И вот что он придумал.

По чертежам Вуда соорудили гигантскую трубу — наподобие тех, что ставят в органах. Только она была много больше самой большой и самой толстой органной трубы. По мнению физика, такой «инструмент» должен издавать такую низкую ноту, что она неизбежно произведёт впечатление таинственности и за короткое время создаст у зрителей необходимое настроение.

Опробовать трубу решили ещё до премьеры. Ни сам Вуд, ни режиссёр не предупредили никого из присутствующих, желая посмотреть эффект. На генеральную репетицию собралось много народа. Пьеса шла своим чередом, как вдруг... Вдруг по залу прокатилась волна ужаса. Никто не понимал, что происходит. Неожиданно зазвенели люстры, задребезжали стёкла, ходуном заходили стены старинного здания.

Землетрясение?!!

Толкая друг друга, бросились люди вон из зрительного зала. Паника

поднялась не только в театре, но и в соседних домах и даже на улице...

Эффект был просто блестящий, но... Когда растерявшийся режиссёр пришёл несколько в себя, он тут же распорядился, чтобы такую-сякую органную трубу немедленно выбросили вон из театра.

А что же слышали зрители при этом «театральном опыте»? Почему испугались? Тут-то и начинается самое удивительное. Дело в том, что никто из присутствовавших не услышал ровно ничего. Труба была абсолютно беззвучной. Колебания её заставляли звенеть стекло, дрожать стены, но услышать их никто не мог, слишком низкими они были. И всё-таки это был звук. Но какой?..

Ещё совсем недавно считалось, что звуковые явления исследованы вдоль и поперёк, что эта область физики уже не таит в себе никаких неожиданностей. Все — и учёные и школьники твёрдо знали, что звук — это упругие волны, распространяющиеся в разных средах по-разному — в воздухе с одной скоростью, в воде с другой. Попадая в ухо, звуковые волны колеблют барабанную

перепонку, и человек ощущает эти колебания в виде звука.

Так считали раньше.

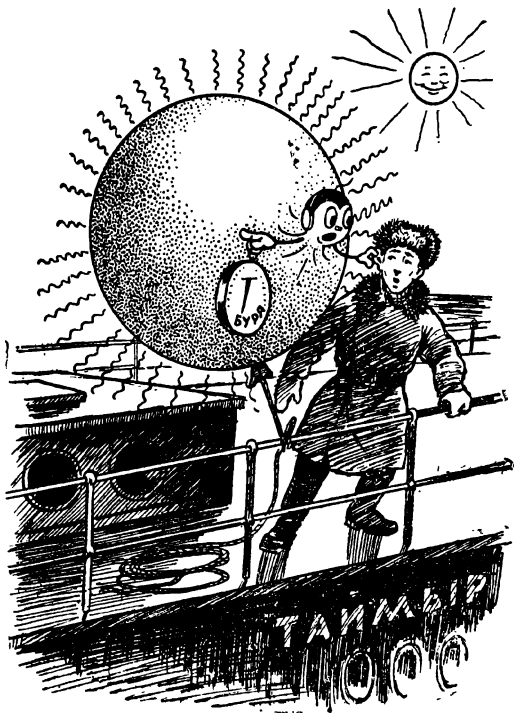
Однако в начале XX века обнаружилось, что существуют ещё звуки неслышимые, что человеческое ухо улавливает далеко не все колебания. Так, например, люди с нормальным слухом воспринимают звуковые колебания частотой от двадцати—тридцати раз в секунду и до десяти—двенадцати тысяч. Но ведь в природе наверняка существуют звуки и других частот, как более высоких, так и более низких. Пришлось менять некоторые положения акустики — науки о звуке. Выделилась из неё как самостоятельная область — учение об ультразвуке, иначе говоря, учение о звуках сверхвысокой частоты. Неслышимые ультразвуки быстро нашли себе применение в технике, биологии, в медицине... А о других колебаниях низких и «сверхнизких» частот люди долгое время даже не задумывались. Не задумывались до тех пор, пока...

Впрочем, давайте по порядку.

Вы, наверное, уже догадались, что случай в лондонском театре самым тесным образом связан со звуками «сверхнизкой» частоты. Называются они, в отличие от ультразвуков, инфразвуками. «Инфра» — по-латыни значит «под». А инфразвуки, следовательно, — подзвуки, подзвуковые колебания, частота которых лежит ниже той, которую слышит человеческое ухо, то есть ниже двадцати, тридцати колебаний в секунду.

В природе обнаружили такие низкие колебания, можно сказать, совершенно случайно. Произошло это двадцать пять лет назад.

Представьте себе хорошую, ясную погоду. Море словно застыло под лучами солнца. Штиль. Такая тишина — редкость для Северного моря. Из трубы советского гидрографического судна «Таймыр» тоненьким столбиком поднимается дым. Это камбузный король — кок — торопится с утренним завтраком. Рано. Однако на палубе, кроме вахтенных, видны люди. Люди, совсем не похожие на моряков, — это учёные-гид-

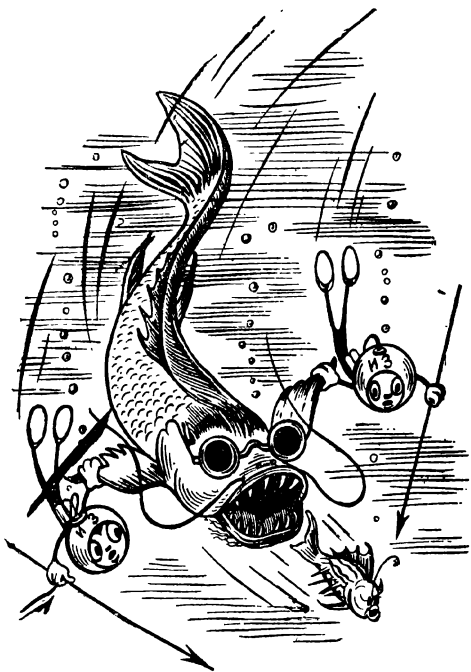

рографы. Вот двое поднесли тяжёлый стальной баллон. Голубая буква «Н» на его боку говорит о содержимом — водород. Люди наклоняются, что-то делают; слышится свист, и через минуту над палубой повисает большой резиновый шар, наполненный водородом. По его полёту учёные смогут судить о скорости ветра и воздушных течениях. Привязанный к поручням, рвётся шар-пилот ввысь. Случайно один из участников экспедиции проходил мимо и едва не коснулся лицом упругой резиновой оболочки. И в тот же миг вскрикнул от боли в ушах...

Что случилось? К нему подбежали товарищи, и каждый, кто приближал ухо к поверхности шара, чувствовал тупую, ноющую боль. Казалось, шар излучает неизвестные колебания, которые давят на барабанную перепонку. Все заинтересовались явлением. Каждый старался по-своему объяснить его, и споры затянулись до позднего вечера. А ночью разыгрался шторм и о происшествии забыли.

Кончилась экспедиция. Зимой в Москве, разбирая материалы поездки, молодой тогда учёный-физик (ныне академик) Василий Владимирович Шулейкин обнаружил записи о забытом явлении. Заинтересовавшись, он решил повторить опыт. Но не тут-то было. День за днём наполнял он газом резиновые оболочки. Наполнял водородом, наполнял и просто воздухом, ничего не помогало — шары молчали. Пришлось отложить эксперименты до лета.

Летом Василий Владимирович поехал на Чёрное море. И снова попытался получить таинственные колебания шара-пилота. Но неудачи преследовали учёного и здесь. Проклятые шары молчали, молчали так, как если бы они вовсе и не уезжали из Москвы. А погода стояла на море великолепная. Тишь, солнце, совсем как на Северном море год назад. И вот однажды, когда, казалось, не было уже больше никакой надежды, шар, наполненный водородом, «заговорил». Заговорил сначала слабо, а потом всё сильнее и сильнее, на своём непонятном, не слышном че-

ловеку наречии. Снова болели уши у приближающихся к нему людей. Так продолжалось недолго. Через два дня барометр упал, и на море разразилась буря. Вывод мог быть один: существовала какая-то ниточка, связывавшая непонятные излучения шара с приближающимся штормом. Ведь в хорошую, установившуюся погоду на море шар «молчал».

Надо было разыскать эту «ниточку», но как? И вот Василий Владимирович конструирует специальный прибор для записи таинственных сигналов шара. Снова дни удач сменяются неудачами, и, наконец, долгожданный час наступил: на светочувствительной бумаге записан «ГОЛОС МОРЕЯ», как назвал учёный неслышимые инфразвуковые волны, прилетающие из голубых водных просторов. Это они заставляли колебаться оболочку шара, отражались от неё и больно давили на ухо человека.

Василию Владимировичу Шулейкину удалось установить и то, что рождается «голос моря» далеко-далеко, в районе, где свирепствует буря и огромные массы воды, сталкиваясь друг с другом, образуют водовороты и завихрения и заставляют

колебаться воздух. В разные стороны из штормового района летят неслышимые инфразвуковые сигналы. Предупреждают: «Идёт шторм!!!».

Но кто принимает их? Ни ухо человека, ни животного не в состоянии воспринять колебания с частотой 10—20 периодов в секунду. Оказывается, не совсем так.

Те из вас, кто бывал на берегу моря, видели, наверное, как между камнями-галькой взад и вперёд прыгают маленькие серые рачки, похожие на мокриц. Это морские блохи — гамарусы. Так вот, оказывается, гамарусы чувствуют приближение бури. Перед началом шторма они со всех ног удирают подальше от воды, чтобы камни, подобно мельничным жерновам, не перетёрли, не перемололи их, когда на берег начнут обрушиваться волны. Чувствуют приближение бури и медузы. Задолго до её начала уходят они в открытое море, чтобы не быть выброшенными на берег.

Инфразвуки воспринимают и многие другие существа — животные, птицы и даже насекомые. А глубоководные и пещерные рыбы, так те не только чувствуют инфразвук, но даже сами могут излучать его в окружающую среду.

В непроницаемой темноте глубин или пещерных озёр и рек слепые рыбы находят и ловят редкую в этих

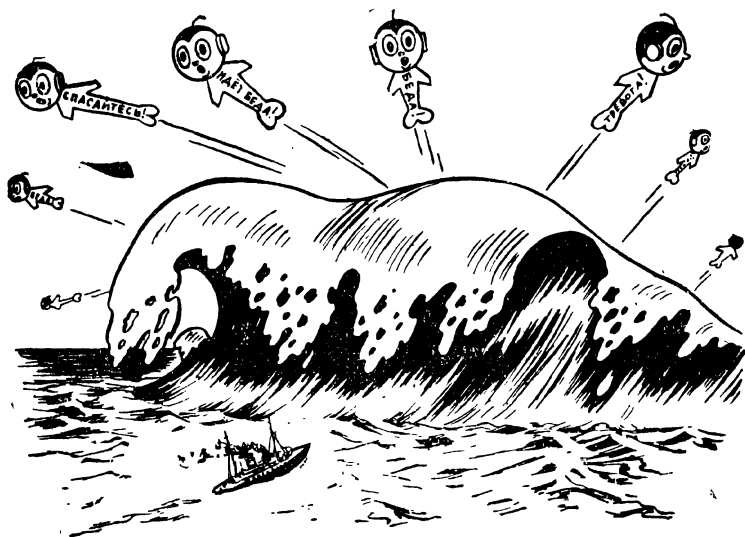
местах добычу и при этом счастливо избегают приближающихся сетей и тралов. Действуют они по принципу локатора, только не радио, а инфразвукового. Такая рыба посылает впереди себя инфразвуковую волну. Встретится на пути препятствие — звук отразится. Прилетит назад неслышимое эхо, почувствует его рыба и обойдёт препятствие или поймает добычу.

Значит, инфразвук рождается не только на поверхности моря — волнами, но и в глубинах их обитателями и различными морскими течениями.

Сегодня на берегах морей и океанов чуткие приборы сейсмических станций круглые сутки «слушают» «голос моря». Слушают и предупреждают капитанов о возможности штормовой обстановки. Люди научились разгадывать неслышимые сигналы. Но море коварно. Много ещё тайн и загадок несут в себе прозрачные океанские волны.

Однажды береговая станция погоды одного из островов приняла непонятный сигнал. Он был совсем не похож на обычный. Люди ломали головы над расшифровкой записей приборов, как вдруг разразилась катастрофа.

При ясном небе, совершенно неожиданно для береговых жителей, на горизонте появились волны. Из-

далека они не казались такими страшными. Но, когда большой корабль, который привёз почту, оказался брошенным на водяную гору, разбитым и утонул на глазах очевидцев, люди поняли, какая смертельная опасность им угрожает. Толпы народа кинулись дальше от берега, в самую глубину острова, но было поздно. Тысячи тонн мутно-зелёной воды обрушились на берег. Деревья, постройки, сорванные с места, закружились в бешеном водовороте. Одна волна, вторая... И всё стихло. Так же ярко светило солнце и по голубому небу чуть заметно плыли равнодушные облачка. Только на месте прибрежного городка расстилалась пустыня. Море жадным языком вылизало берег, отбросив далеко в глубь острова даже такие тяжести, как станки, сорванные с бетонных фундаментов мастерских.

Что же это было?..

«ЦУНАМИ» — называют такие волны моряки. Представьте себе, что где-то в глубинах океана произошло землетрясение. Образовались складки или трещины на дне моря.

В тот же миг над этим местом на поверхности вздымаются волны. Нет, это не волны. Это гигантские стены, целые горы, отлитые из зелёного стекла океанской воды. Высота «цунами» достигает сорока метров, а ведь это высота десятиэтажного дома вместе с трубами и телевизионными антеннами впридачу... Что может противостоять такой силе?

Поднявшись из воды, волны-убийцы беззвучно катятся по поверхности океана. Скорость их достигает трёхсот километров в час. Горе океанскому кораблю-лайнеру, встретившемуся на их пути!..

Что же? Значит, нет спасения от страшных «цунами»? Значит, надо сидеть и ждать, пока они разобьются о прибрежные скалы? Нет, с этим не может согласиться человек. Он должен заранее знать о приближении опасности, знать, чтобы принять меры. И вот, оказывается, что ещё быстрее «цунами» впереди водяных гор мчится рождённый ими же инфразвук. Скорость его в восемна-

дцать раз больше скорости волн. Задолго сумеет предупредить он прибрежную полосу об опасности, надо только понимать его сигналы. И люди научились этому. Люди построили чувствительные приборы, улавливающие инфразвук и отвечающие на вопрос, что происходит далеко в океане и что нужно ждать в ближайшие дни и часы. Так инфразвук стал помощником человека.

Но не только способность предупреждать приближение шторма и страшных «цунами» привлекает внимание учёных к инфразвуку. Есть у него ещё одно замечательное качество — «дальнобойность».

На этом основывается целый ряд его применений в сегодняшней технике. Ведь не только волны, не только ураган может создавать в морской воде неслышимые сигналы.

Частое явление на море — туман. Плотный, белый, он словно залепляет глаза вахтенному. А впереди — порт. На борту парохода сотни пассажиров. Малейшая неточность, и сбился корабль с пути, наделет на скалу или столкнулся с другим... Тишина вокруг, только слышно, как бьются волны о крутые борта... Волны, волны, но ведь они и являются

источниками неслышимых колебаний. Нельзя ли заставить их служить указателями? Оказалось, можно. И вот уже сконструированы приборы, улавливающие эти колебания. Корабль может безопасно двигаться и в тумане и ночью. Инфразвуковые «слухачи» обнаружат встречное судно даже тогда, когда оно ещё не показалось из-за горизонта...

Однако ещё более интересно применение инфразвука в технике. Прошло совсем немного времени с тех пор, как человек начал осваивать инфразвуковые колебания, а уж немало областей науки и техники, где неслышимый звук — желанный помощник.

Есть такая увлекательная и романтическая специальность — геолог-разведчик. Недаром носят своё звание эти люди. На поверхности нашей планеты не найти, пожалуй, ни одного уголка, где бы они не побывали.

...Жаркое таёжное лето. Обливаясь потом, с трудом переставляют геологи натруженные за день ноги. Сквозь густые сетки накомарников трудно дышать, но снимать их нельзя. Мириады мошек и комаров забьются в глаза и рот, в нос и уши, искусают так, что на несколько дней выйдешь из строя. Но вот впереди

сквозь деревья на склоне сопки показались отвалы породы. Здесь был обвал, и теперь, как будто срезанное гигантским ножом, перед глазами геолога — слоистое нутро земли. Сразу же забыта усталость, забыта мошка-гнус. Вооружась молотком, прыгает разведчик со скалы на скалу, отбивает кусочки камня, разглядывает. Сколько опыта, сколько знаний нужно иметь, чтобы по малейшим признакам с поверхности определить то, что находится внутри! Ошибки и разочарования поджидают геологов на каждой скважине, на каждом шурфе, которые приходится рыть в твёрдом скальном грунте.

И вот учёные обнаружили, что инфразвуковые колебания проходят через толщи различных пород с разной скоростью.

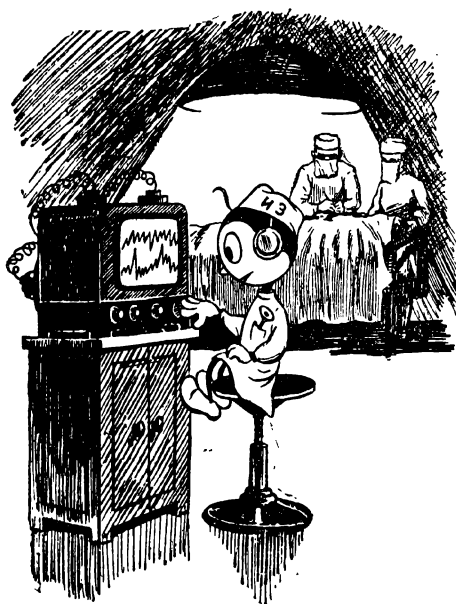
Но ведь это находка! Измерив эту скорость, можно сразу определить, в каком веществе распространяются посланные в глубину волны: в горных ли породах или в каменном угле, в нефти или в железной руде. Достаточно взорвать на поверхности небольшой заряд, «послушать» с помощью специальных приборов эхо, отразившееся от залёгших в глубине пластов, и полная картина перед глазами...

Представляете, как облегчится труд геологов-разведчиков! Сколько сил и здоровья будет сохранено!..

Ну, а где ещё, кроме геологии, применяется инфразвук — колебания с частотой менее двадцати раз в секунду?

Инфразвук нельзя услышать, но зато можно увидеть.

...Белая, сверкающая чистотой комната. Над столом склонились люди в марлевых масках. Тишина прерывается короткими приказаниями хирурга. Это идёт сложная операция. Врачи борются за жизнь человека. В стороне от операционного стола стоит прибор, отдалённо похожий на телевизор. На зеленоватом экране его змеятся причудливые кривые. Это новая, разработанная советскими учёными инфразвуковая аппаратура, позволяющая во время операции вести наблюдение за состоянием больного. Пульс и удары сердца превращаются замечательным аппаратом в сигналы, по форме которых можно легко определить состояние человека.

Предупреждает инфразвук и о «болезнях» машин. Как только изнаются детали, увеличатся расстояния — зазоры между движущимися частями механизма, так сразу появляются дополнительные дрожания, вибрации с инфразвуковой частотой. Их не услышишь ухом, только измерение специальными инфразвуковыми приборами может рассказать о степени износа машины или двигателя.

Ну, а где в быту, в окружающей

час с вами жизни можно найти прибор, основанный на использовании инфразвука?

Посмотрите-ка по сторонам. Наверняка у кого-нибудь дома на полке стоит маленький пластмассовый прибор, похожий на гриб. Такая же шляпка и ножка, правда, из ножки тянется электрический шнур...

Догадались, что это? Наверное, догадались. Вибрационный стиральный прибор — ВСП, штука нехитрая. А знаете, как устроен и работает такой прибор?

Внутри шляпки «гриба» спрятана пустотелая металлическая чечевица. Как только включается ток, чечевица начинает вибрировать, создавая низкочастотные волны. Если поставить теперь «гриб» шляпкой в бак с бельём, залитый горячей водой, то колебания передадутся воде, которая вымоет и выстирает намоченные простыни и рубашки.

Стиральный «гриб» можно просто поставить в воду с бельём, а само-

му уйти и заниматься другими делами. Только иногда надо переворачивать бельё, чтобы оно стиралось равномернее.

Некоторые ошибочно называют этот прибор ультразвуковым, но это неверно. Частота, на которой он работает, лежит в области самых низких звуков, граничащих с инфразвуками. Поэтому правильнее называть стиральный прибор не ультра, а инфразвуковым.

Как видите, области применения нового помощника человека — инфразвука весьма велики. Человек только начал своё наступление на этом фронте и каждый день, каждая неделя приносят вести о новых победах, о новых открытиях, из которых мы перечислили только самые простые и доступные. А сколько впереди ещё не исследованного!..

Этот день запомнит вся планета!

**Этот день запомнит вся планета —
Пятницу, второе января!
Ввысь взвилась советская ракета,
Звёздочкою в Космосе горя.**

**Став планетой солнечной системы,
Начиная вечный свой маршрут,
Мчит она!..
Гордимся этим все мы
И людей советских славим труд!**

С. КОЛИН

Чудеса в природе

Самые маленькие лягушки живут на острове Куба. Некоторые из них весят столько же, сколько весят три пшеничных зерна.

А самые крупные лягушки-волы обитают в США. Они принадлежат к самым крупным представителям бесхвостых земноводных: длина их тела — 20 сантиметров, вес — 600 граммов. В США этих лягушек добывается ежегодно несколько миллионов штук, так как их задние лапки идут в пищу.

★

...В водах Гвианы и Бразилии водятся электрические угри — гимноты. Они способны выбрасывать ток до 300 и больше вольт. Действие разряда передаётся на расстояние 3—6 метров. Более крупные угри могут давать ток до 800 вольт.

Действием тока гимнот оглушает добычу, а затем заглатывает её.

Учёные подсчитали, что 10 тысяч угрей могли бы дать энергию для движения электропоезда. Правда, ездить бы в таком поезде было весьма невыгодно: он двигался бы всего лишь несколько минут, а потом стоял бы целые сутки — ждал, пока угри отдохнут и соберут запас энергии.

★

...Самая маленькая в мире птица — колибри. Интересно ещё, что в то время как все птицы могут летать только вперёд, колибри может держаться в воздухе на месте и даже летать назад.

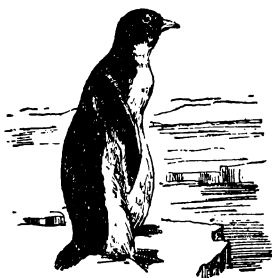
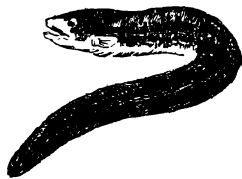
★

...В тропической части Индийского и Тихого океанов водится самое тяжёлое

из беспозвоночных животных — тридакна. Вес этого моллюска достигает 500 килограммов, а поперечник его доходит до полутора метров.

★

...Пингвин линяет. Он теряет все перья сразу и потом в течение двух недель спокойно стоит на месте, ожидая, пока отрастёт

новое оперение. Пингвина всё это время голодает, питаясь за счёт накопленного жира.

★

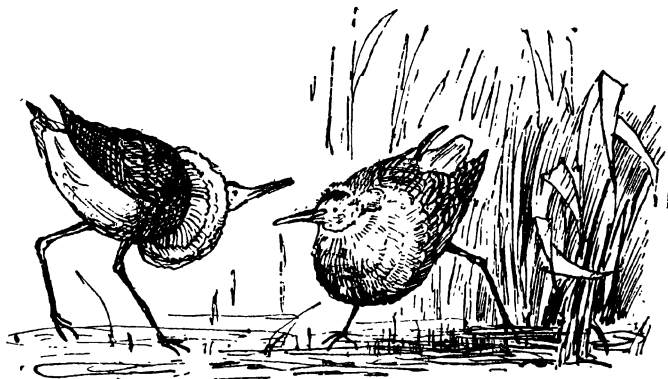
...Самая драчливая птица — турухтан-куличок. В народе так его и зовут: драчуном, или драчливым зуем.

Дерутся турухтаны чаще всего безо всякого повода, так сказать, из любви к искусству: увидят друг друга — и началась потасовка.

Весной турухтан-куличок принимает боевой вид: голова его теряет оперение и покрывается кожистыми бородавками, а вокруг шеи вырастает воротник из крепких, упругих перьев.

Дерутся турухтаны до полного изнеможения, а выбьются из сил, отдохнут — и снова началась потасовка. Друг на друга на скакивают, буквально дрожат от ярости.

Но самое интересное то, что все эти яростные драки почти безопасны: мягкий тупой клюв турухтана не может нанести сколь угодно серьёзного повреждения, тем более, что головы противников защищены кожистыми бородавками, а тело — растопыренным наподобие щита воротником.

К. Ермаков

Рисунки
И. Скоробогатова

Гришка

В СЕРЕДИНЕ лета повадился к нам на деревенский двор прилетать воронёнок. Он был матово-чёрный, с большим клювом и шустрыми глазами. Первое время он садился на изгородь и воровато поглядывал, что делается во дворе. Постепенно воронёнок осмелел. Однажды, когда курам посыпали зерно, он бесшумно слетел к ним. Те попытались прогнать воронёнка, но он упрямо лавировал между ними и улетел лишь после того, как всё зерно было склёвано. Так повторялось каждый день. Мало-помалу куры привыкли к нему и перестали трогать.

Не знаю, что с ним случилось, но в один прекрасный день наши ребята нашли его около забора с перебитым крылом. Они принесли воронёнка домой, перевязали крыло, как могли, и оставили у себя жить.

Воронёнок быстро привык к людям и, никого не боясь, пры-

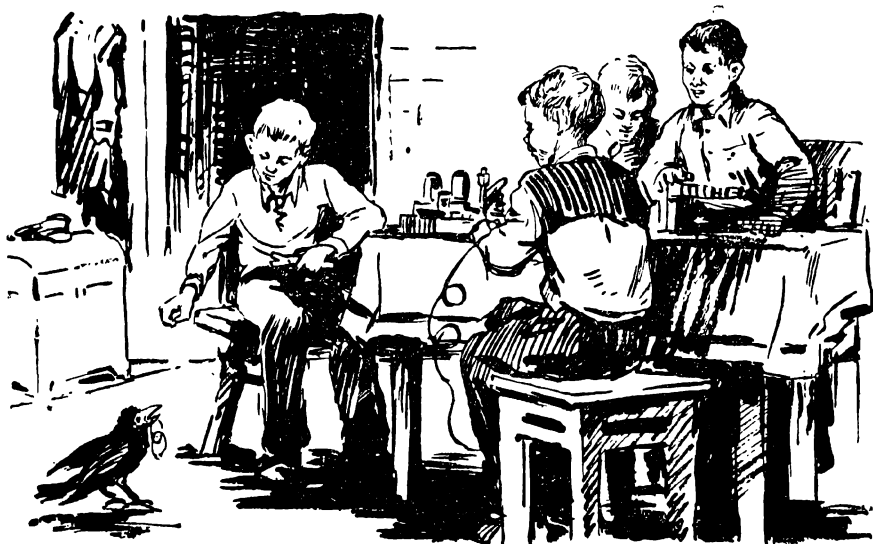
гал по всему дому. Ребята прозвали его Гришкой.

После появления Гришки у нас в доме стали твориться странные вещи. Неведомо куда начали исчезать ложки, алюминиевые вилки, крышки от небольших кастрюль и вообще лёгкие блестящие предметы. Наконец пропали ручные золотые часы. Тут уж все всполошились. Но поиски ничего не дали. Часы словно испарились.

Как-то мы принялись в коридоре наводить порядок и совершенно неожиданно обнаружили в углу за ящиком целый склад самых различных предметов. Здесь оказалось с полдюжины ложек, столько же вилок, несколько крышек от кастрюль, напёрсток, две белые ленты и даже брошка. Были здесь и часы.

Когда мы стали ворошить это добро, в коридор прискакал встревоженный Гришка. Он бес-

покойно прыгал около нас и с недоумением поглядывал на всех то одним, то другим глазом, точно пытался понять, зачем нам понадобились эти вещи. Когда их понесли в дом, он догнал одного из нас и больно клюнул в ногу.

Сомнений не было: склад принадлежал Гришке.

С тех пор все в доме знали, что лёгкие блестящие предметы надо прятать, иначе Гришка утащит. Мы так и говорили ребятам:

— Ты почему ложку оставил на столе? Ну-ка, положи в буфет. Гришка стащит.

Скоро все усвоили правило: ничего не оставлять неприбранным.

Гришка быстро привык к своему имени. Стоило кому-нибудь позвать: «Гришка, Гришка», он тут же появлялся.

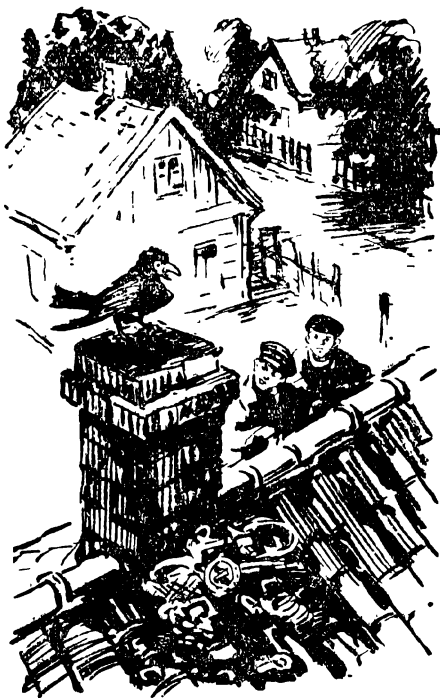
Несмотря на наши предосторожности, Гришке всё же иногда удавалось что-нибудь стянуть. Если, случалось, его ло-

вили на месте преступления, то больно щёлкали по носу. Этого наказания он боялся. Когда воронёнок пытался унести что-нибудь, на него достаточно было прикрикнуть: «Гришка, ты что делаешь!», как он, вытянув шею, со всех ног пускался наутёк.

В конце концов он усвоил, что за кражу его накажут. Если ему удавалось стащить что-нибудь безделушку, он старался улизнуть в укромное местечко, чтобы не попасться на глаза. Слыша грозный голос: «Гришка, ну-ка, иди сюда!», он замирал в своём укрытии и сидел не шевелясь, только мигал настороженными глазами.

Во всём остальном Гришка был хороший. Когда ребята что-либо мастерили, он был тут как тут. Гришка вертелся под ногами и, склоняя голову то в одну сторону, то в другую, с любопытством рассматривал то, что они делали.

Ребята обращались с воронёнком бесцеремонно. Они толкали его ногами, отпихивали. Гришка

на них не сердился. Он терпеливо сторонился, стараясь пристроиться так, чтобы никому не мешать и в то же время видеть всё, что происходит. Если же с ним начинали обращаться явно несправедливо и даже не подпускали к интересующему предмету, Гришка сердился. Он хлопал обидчика крылом, раскрывал на него красный клюв и шипел, угрожающе округляя глаза. Если это не помогало, он ударял врага тяжёлым клювом, а сам скакал в сторону. Впрочем, он тут же возвращался.

Иногда ему очень нравились вещи, которые были в руках у ребят. В таких случаях он не отставал от них ни на шаг. Ребята переходили с места на место, и он прыгал за ними. Они шли во двор, он — туда же. Ребята возвращались, он — следом. Порой Гришка так надоедал, что его

отгоняли. Но отвязаться от Гришки было нелегко. Замахнувшись на него, он запрыгает прочь, потом снова вернётся. Пнут ногой, он клонет в ответ.

Чтобы отделаться от воронёнка, ребята пытались привязывать его к ножке кровати или к крыльцу. Но из этого ничего хорошего не выходило. Некоторое время он стоял нахохлившись, сердито молчал, а потом принимался скрипуче каркать. Каркал он так методично, что, наконец, всем надоедал, и его отпускали. Гришка как ни в чём не бывало снова прыгал к ребятам и снова надоедал им своим назойливым любопытством.

Воронёнок очень привязался к ребятам. Если их не бывало долго дома, он скучал и стоял где-нибудь, грустно нахохлившись.

Понемногу Гришкино крыло окрепло, и он стал летать сперва только по двору, а потом и дальше.

Как выяснилось, летал он не только, чтобы размять крылья, но и ещё кое-зачем.

Полезли мы как-то на крышу ставить телевизионную антенну и, к своему удивлению, увидели за трубой ворох жестянок, ложек, деталей конструктора и тряпочек. Всё это Гришка натащил от соседей. Чтобы он не шлялся по чужим дворам, мы ему связали на несколько дней крылья.

Но это наказание не пошло Гришке впрок. Раз, под вечер, шумно махая крыльями, он прилетел во двор, неся в клюве чуть ли не полкруга колбасы. Не успели мы отнять её и сообра-

зять, где он так поживился, во двор вбежала запыхавшаяся соседка. Оказалось, колбасу он стянул у неё.

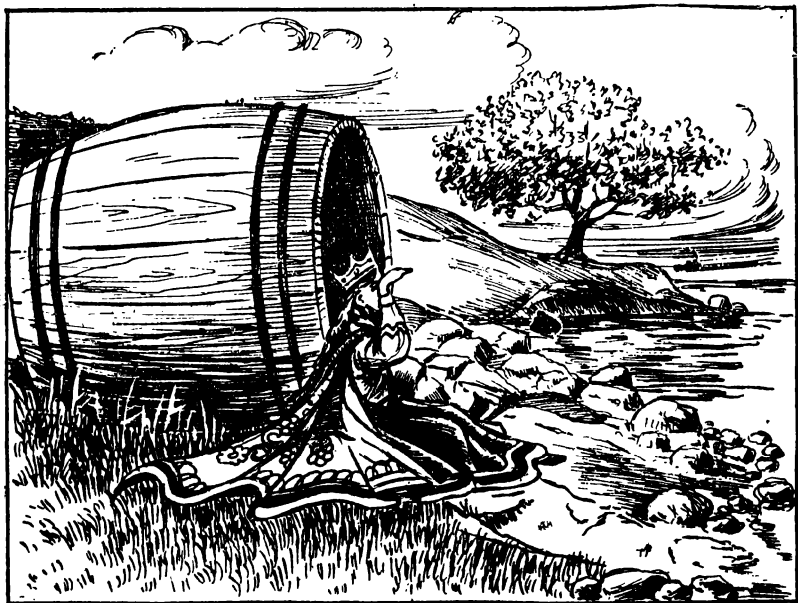
Пришлось подрезать Гришке крылья. Так с подрезанными крыльями он прожил у нас в доме целую зиму.

К весне крылья у Гришки отрасли, и мы выпустили его на волю. Радости воронёнка не было конца. Он летал без устали, исчезая порой на целый день. Однажды утром он улетел и больше не вернулся. Что с ним случилось, мы так и не узнали.

Где князь Гвидон и царица Лебедь?

(Загадочная картинка А. Илючека)

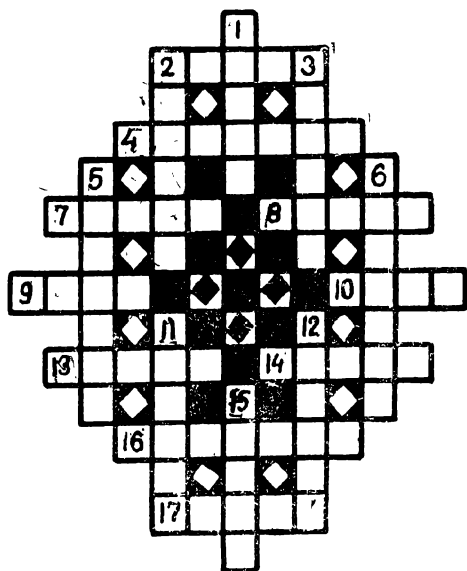
В ясном небе звёзды блещут,
В синем море волны плещут...
Был с царицей князь Гвидон,
Но исчез куда-то он.

Плачет у моря царица.
«Где же Лебедь царь-девица?
Где Гвидон?» — горюет мать.
Помогите отыскать!

КРОССВОРД „УМЕЛЫЕ РУКИ“

(Составил Женя Леонов, 328-я школа)

Отдел ведёт В. Ажентьев

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 2. Восьми-электродная лампа, применяемая в радиотехнике. 4. Верхний слой берёзовой коры, служащий хорошим подложным материалом. 7. Вращающаяся часть электромотора. 8. Пло-

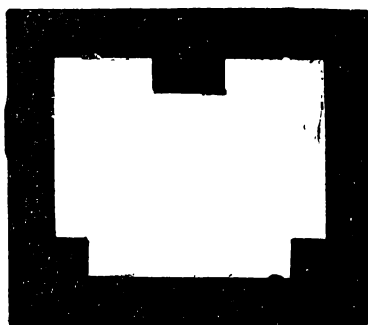
ский четырёхугольный кусок камня или металла. 9. Канат, скрученный из стальной проволоки. 10. Электрод, соединённый с положительным полюсом источника тока. 13. Двигатель. 14. Продольная выемка в ребре доски. 16. Важнейшая часть пилы-ножовки. 17. Часть сооружения, несущая на себе тяжесть других частей.

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Инструмент для выверки вертикального положения. 2. Мелкозернистый точильный камень. 3. Часть машины. 5. Инструмент, нужный слесарю, столяру, каменщику... Да и в хозяйстве без него не обойдётся. 6. Неподвижное основание машины или станка. 11. Столярный инструмент. 12. Деталь для крепления шестерни на валу. 15. Механизм для поднятия тяжестей.

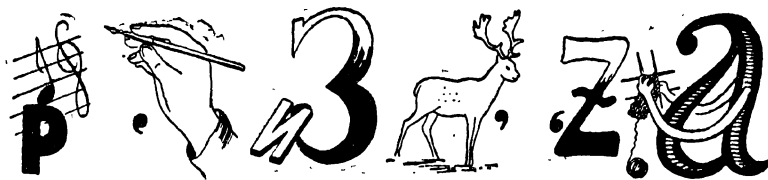
ЧЬЁ ЭТО ИМЯ?

(Составил В. Грязев)

Разрежьте эту доску на четыре части, равные по площади, и составьте имя героя одной из «Сказок об Италии» М. Горького.

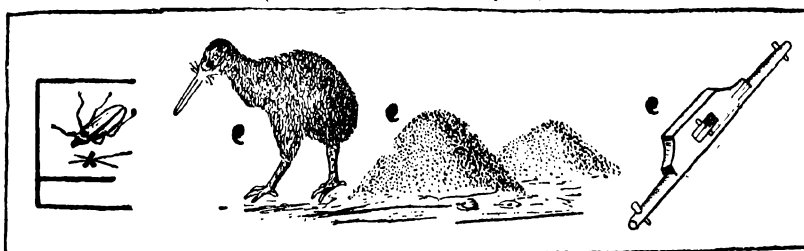

РЕБУС

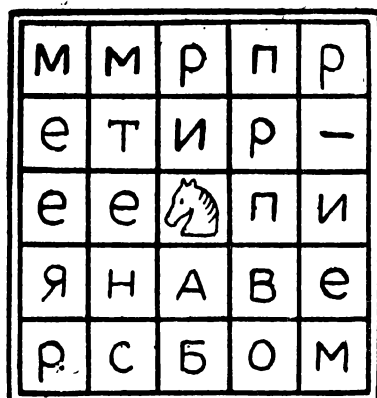
РЕБУС-ПОСЛОВИЦА

(Составил Коля Налитухин)

ПИОНЕРСКАЯ ПОСЛОВИЦА

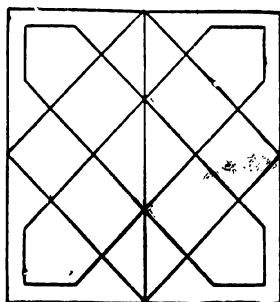
(Составила Зина Седова)

Начиная с центральной, занятой конём, клетки, обойдите ходом коня все клетки фигуры, не пропустив ни одной и не посещая дважды одну и ту же клетку. Если вы сделаете это правильно, то прочтёте пословицу.

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

(Составил Я. Алексеев)

Нарисуйте эту фигуру одним росчерком, не отрывая карандаша, не проходя нигде дважды и нигде не пересекая проведённой линии. С любой ли точки можно начинать вычерчивать эту фигуру?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» №№ 11, 12)

РЕБУС

Весна красна цветами, осень — снопами.

РЕБУС-ЗАГАДКА

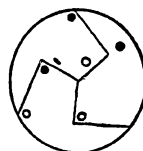
На дворе — горой, а в избе — водой (снег).

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Крот.
2. Осот.
3. Лото.
4. Лось.
5. Коса.
6. Соль.
7. Вика.
8. Кама.
9. Слоп.
10. Нота.
11. Лама.
12. Снег.
13. Сова.
14. Роса.
15. Рагу.
16. Корт.

НА ТРИ ЧАСТИ

Решение смотри на рисунке.

РЕБУС

Не вдруг Москва строилась.

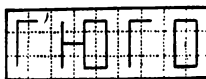
ЦИКЛОМОЗАИКА

1. Граб.
2. Икар.
3. Буки.
4. База.
5. Коза.
6. Уток.
7. Газз.
8. Зона.
9. Нота.

ПО ГОРИЗОНТАЛЯМ: гриб, Баку, азот, Гана.

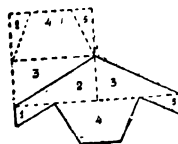
ЧТО ЗДЕСЬ НАПИСАНО?

Решение смотри на рисунке.

ГЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Решение смотри на рисунке.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Пионерская клятва. Стихотворение Юрия Яковлева	1
Цифры-великаны нашей семилетки. Беседа В. И. Пря- нишникова	2
Как сложили песню. Очерк Аркадия Пальма	7
Ленинский броневи́к. Поэма Юрия Яковлева	11
Замазка. Юмористический рассказ Н. Носова	16
Случай на маскараде. Рассказ в рисунках К. Бекта- шева	19
«Снежный ком». Шутка в одном действии М. Шифмана	20
Конкуренция. Рассказ В. Сулова	25
Двое. Рассказ Л. Радищева	28
Дорогие мои пионеры! Из записной книжки журна- листа А. Мойжес	42
На берегах Байкала. Очерк В. Кузнецова	46
Когда звучит тишина. Статья А. Томилина	49
Чудеса в природе	57
Ребятам-октябрятам. Гришка. Рассказ К. Ермакова	58
Клуб смекалистых ребят	62

На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева.

На второй странице обложки — плакат К. Бекташева.

На третьей странице обложки — о бригаде коммунисти-
ческого труда.

На четвертой странице обложки — рисунок Ю. Лобачёва
«Хоккей в зоопарке».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр. Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 12/XII-58 г. Подписано к печати 8/I-59 г. г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,99
М -21605. Зак. № 1824. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Их восемь — дружных молодых токарей одного из цехов Ленинградского металлургического завода. В дни, когда молодёжь готовилась к XIII съезду ВЛКСМ, организовалась их бригада. Тогда она заняла в заводском соревновании лишь пятое место. А через полгода весь завод уже знал о Михаиле Ромашове и его товарищах — победителях в соревновании в честь 40-летия комсомола.

Ромашов и его товарищи не только отлично работают на производстве. Они первыми начинают собирать металлолом, берутся за благоустройство заводской территории, выходят на субботник в помощь строителям... Молодые токари объявили борьбу пьянству, хулиганству, показывают пример высокой сознательности в быту.

Вскоре после того, как в газетах были напечатаны тезисы доклада Н. С. Хрущёва на XXI съезде партии, Михаил Ромашов собрал свою бригаду, чтобы прочесть и обсудить эти тезисы. Молодые рабочие были захвачены величием развёрнутых в них перспектив, грандиозностью задач. Володя Мартыненко, самый старший в бригаде, сказал:

— Если мы строим коммунизм, надо и работать по-коммунистически!

Мысль эта понравилась всем. Члены бригады Ромашова решили к съезду партии ещё повысить выработку, подать рационализаторские предложения, обязательно учиться. Пётр Мазия и Георгий Торбаев занимаются в Политехническом институте, Анатолий Скобелев и Борис Торцев — в школе рабочей молодёжи, Саша Лукьянов и Володя Мартыненко поступают на курсы по подготовке в техникум...

Бюро обкома и горкома ВЛКСМ присвоило Михаилу Ромашову и его товарищам звание бригады коммунистического труда.

